

кн. II

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. РОЗЕНГЕЙМА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

СТАНОВО

М. РОЗЕНТЕН

✓

С. 2.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 12 Марта 1864 г

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Въ типографіи В. Спиридонова.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОВѢСТИ.

ОТДЕЛЪНЪЕ МСД. ПОСЛАН.

I.

Но гдѣ тотъ праведникъ, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подыметъ тяжкую десницу?

Полесжаевъ.

Боже мой, Боже мой, какъ она хороша!
Но смотрѣть на нее—нѣту силъ, не грѣша:
Такъ пластична ея, такъ земна красота,
Такъ присущна при ней наслажденья мечта;
Страстно-жгучимъ огнемъ обаянья полна,
Такъ проникнута вся сладострастьемъ она!
Столько прелести въ ней, столько нѣги и чаръ,
Что невольно душой овладѣетъ угаръ,—
Этотъ страсти угаръ, тотъ желанія хмѣль,
Когда въ сердцѣ одна воцаряется цѣль,
Чтобы ею хоть день, хотя часъ повладѣть,
Насладиться, а тамъ...а потомъ умереть!
Когда вспыхнетъ огнемъ въ раскаленной крови,
Не любовь, не любовь, а истома любви,
Когда сила ума надъ душой невластна,....
Боже мой, Боже мой, какъ прелестна она!
Подъ вліяньемъ-ли думъ въ томной нѣгѣ лежитъ,
Иль вакханкой она въ бурной полкѣ летитъ,
Тамъ и тутъ дышитъ все упоеніемъ въ ней.
Кто рѣшитъ, гдѣ она увлекаетъ сильнѣй?
Ея поступь и станъ, всѣ движенія ее,
Все въ ней роскошь, во всемъ обаянье свое!

Бѣлоснѣжной груди двѣ горячихъ волны
Буйно бьютъ о корсетъ, жаждой воли полны;
И чего не сулить этихъ волнъ переливъ,
Ихъ мятежная зыбь, ихъ приливъ и отливъ!
Какъ изящно хорошъ этой шейки изгибъ;
А за ножку ея не одинъ ужъ погибъ!
Еслибъ воля да власть, эту-бъ ножку поймалъ,
И малютку-бъ ее цѣловалъ, цѣловалъ,—
Не разстался бы съ ней! Но взгляните: коса!
Что за диво кудрей? волоса—чудеса!
Толстой прядью она вокругъ чела обвилась,
Какъ вѣнецъ, и потомъ широко улеглась
На затылкѣ у ней многокольцей змѣей.
Какъ ни тяжка она для головки такой?..
Словно бархатный взглядъ ея томныхъ очей
Проникаетъ и жжетъ вплоть до мозга костей;
То живить, то томить этотъ адъ, этотъ рай;
То блаженство, то ядъ въ душу льетъ черезъ край.
И когда этотъ взглядъ, полный страсти и нѣгъ,
Обовьетъ вдругъ кого,—тотъ пропалъ человекъ:
Онъ пойдетъ въ кабалу, онъ ей душу отдастъ,
Отречется всего, свою совѣсть продастъ!
А красавицы нравъ?.... О, мудренъ этотъ нравъ,—
Самыхъ спорныхъ началъ удивительный сплавъ,—
Какъ загадка мудренъ! Кто постигъ, кто проникъ
Этой странной души въ сокровенный тайникъ?
Кто успѣлъ разглядѣть это сердце до дна,
И завѣтныя въ немъ прочесть письмена?
Кто возмется сказать, кто рѣшить изъ людей:
Что, добро или зло, въ этомъ сердцѣ сильнѣй?

Чѣмъ то сердце живетъ? почему? отчего?
Вѣдь сдается-жь порой, что нѣтъ вовсе его!
Какъ таинственный сфинксъ непонятна, темна!
Измѣняется вдругъ, безъ причины она:
То наивно-добра и проста какъ дитя;
То насмѣшливо-зла, уязвляетъ шутя.
То все истина въ ней, то все ложь и обманъ,
То спокойна какъ смерть, то кипитъ какъ Нарзанъ
Это ледъ и огонь! То какъ слезы грустна,
То безумнымъ она, вдругъ весельемъ полна.
Самовластна какъ шахъ, какъ грандеса горда,
Дѣлу жизни она какъ ребенокъ чужда. —
То, предъ чѣмъ распростертъ на колѣняхъ весь міръ,
Злато, идолъ людей, злато, міра кумиръ,
Безъ чегò въ нашъ тугой, въ нашъ расчетливый вѣкъ,
Нѣтъ спасенья тебѣ, нѣтъ пути человѣкъ! —
Злато-цѣль всѣхъ заботъ, всѣхъ стремленій людей,
Безъ цѣны у нея, безъ значенья для ней:
И бросаетъ она на минутный капризъ,
На игрушку, на вздоръ, для подруги сюрпризъ,
То, что на годъ семьѣ пропитанье бѣ дало,
Что купить сиротѣ воспитанье бѣ могло.
Ктожь она? Что она?.... Герцогиня, княжна,
Prima donna въ порѣ, иль банкира жена?
Иль индѣйскій набабъ, старый дядя ея,
Своихъ рупій мѣшки развязалъ для нея;
Этихъ рупій мѣшки, что всю жизнь собиралъ,
Что обманомъ исторгъ, что насильемъ содралъ,
Какъ Британецъ да жидъ лишь умѣютъ одни
Выжимать изъ страны, гдѣ вотрутся они? —

Или нашъ, наконецъ, откупщикъ удалой,
Цѣловальникъ сперва, послѣ баринъ большой,
Для нея отливаль, для нея разбавляль,
Для нея лишь одной цѣлый вѣкъ плутоваль?
Кто-жь она? что она? Какъ сказать про нее?....
Всюду роскошь и блескъ окружаютъ ее!
Ея пышный нарядъ, экипажъ, ея домъ —
Домъ Армиды дворецъ: чего нѣтъ только въ немъ?...
Бронзы, бархатъ, форфоръ, эта гибель вещей,
Все, что создалъ комфортъ для своихъ прихотей,
Что считаетъ нуждой, въ нашъ затѣйливый вѣкъ,
Въ пресыщеніи своемъ сибарить-человѣкъ,
Все, что моды указъ, что изысканный вкусъ;
Все, что Сазиковъ, Туръ, что Шопенъ, Гюжибюсъ
Изобрѣсть, произвести и придумать могли,
Что истрогъ у морей, — все, что взялъ у земли,
На отраду себѣ, въ наслажденіе свое,
Настоящій въ нашъ вѣкъ повелитель ея, —
Кто безспорно теперь, не боясь барикадъ,
Ни ножей, ни стрѣльбы, ни задорныхъ палатъ,
Издѣваясь надъ всѣмъ, править міромъ одинъ,
Полновластный вездѣ и всему господинъ,
Хотя Готою онъ въ альманахъ не внесень,
Хоть мѣщански зовутъ его просто — *Милльонъ!*
Все, что этотъ маголь только могъ раздобыть
(А чего же нельзя въ наше время купить?),
Свезено, снесено, все собралось тамъ,
Въ этотъ нѣги, отрадъ, въ этотъ роскоши храмъ.
И среди всѣхъ чудесъ и созданій искусствъ,
Гдѣ все чуждо душѣ, всѣ понятно для чувствъ,

Средь всѣхъ этихъ затѣй и диковинъ одна,
Безсемейный жилецъ, обитаетъ она
Кто-жъ она? Что она? Какъ зоветъ ее свѣтъ?
Свѣтъ?....Но въ свѣтъ....но тамъ...тамъ ей имени нѣтъ.
Если жъ часомъ зайдетъ про нее разговоръ,
То смущеніе дамъ, ихъ потупленный взоръ
Заставляютъ замать разговоръ тотъ скорѣй,—
Только шопотомъ тамъ говорится о ней.
Но вѣдь что жъ для нее мнѣнья общаго судъ?—
Равнодушна къ тому, какъ ее ни зовутъ,
Она знаетъ притомъ, что въ сужденьи людей
Много, много вошло женской зависти къ ней;
Что презрѣніе дамъ, ихъ суда непріязнь—
Маска ревности ихъ; что подъ нею боязнь
Укрывается въ нихъ за отцовъ, за мужей,
За любовниковъ страхъ, за своихъ сыновей;
Потому что она, врагъ семейныхъ всѣхъ узъ,
Можетъ вдругъ разорвать всякій кровный союзъ.
Горе дому тому, чей глава, чей отецъ
Познакомится съ ней, минотавромъ сердецъ;
А кто разъ ужъ попалъ въ лабиринтъ ея чаръ,
Нѣтъ исхода ему, будь онъ молодъ иль старъ.
Но играя огнемъ, увлекаая другихъ,
Въ этой бурѣ страстей увлеченію ихъ
Недоступна сама, словно птица вольна,
Ихъ тревогъ и заботъ непричастна она.
Вѣкъ вращаясь въ кругу мимолетныхъ связей,
Нѣту узъ для нея, нѣтъ надъ нею властей;
Лишь покорныхъ рабовъ, лишь полконниковъ рой
Окружаетъ ее распаленной толпой;

И изъ этой толпы безусловныхъ рабовъ,
Въ обожаньи своемъ, всякій рвется, готовъ,
Какъ въ какомъ то чаду, всякій бѣшено радъ
За улыбку ея, за одинъ ея взглядъ,
Поскорѣ сложить у красавицы ногъ,
Вмѣстѣ съ волей своей, все, что далъ ему Богъ.
Предузнать, упредить ея каждый капризъ —
Вотъ стремленіе, цѣль, вотъ ихъ общій девизъ!
И безмѣрно блаженъ тотъ, кто раньше другихъ
Могъ, успѣлъ привезти ей новинъ дорогихъ,
Кто, царицѣ сердецъ, ей сумѣлъ угодить
И улыбку за то отъ нея получить.
Лишь улыбку!... Чего-жъ не отдастъ ей иной
За минуту любви? И минуты такой
И въ чаду, и въ жару каждый ждетъ въ свой чередъ;
И какъ счастливъ и гордъ тотъ, кого изберетъ,
Тотъ, кому изъ толпы она броситъ платокъ
И султаномъ своимъ быть позволить на срокъ.
Но и тутъ, какъ во всемъ, своенравна, чудна,
Часто выборомъ всѣхъ удивляетъ она;
Можно думать порой, что морщины, парикъ,
Что раскрашенный шутъ, сладострастный старикъ,
Средь ремней и пружинъ доживающій вѣкъ,
Больше по сердцу ей, чѣмъ въ порѣ человѣкъ, —
И охотнѣе, чѣмъ пылу юной крови,
Уступаетъ она этой чахлой любви.
Да, не разъ, ужъ не разъ замѣчали за ней,
Что чѣмъ чище любовь, тѣмъ противнѣе ей.
Беззавѣтная страсть душъ наивно-простыхъ,
Пламя первой любви, даръ сердецъ молодыхъ,

Какъ-то нѣ-любы ей, какъ-то хуже другихъ
Принимаетъ она обожаніе ихъ.
Можно думать, что ей жаль ихъ, пылкихъ дѣтей,
Неизмятыхъ еще порчей буйныхъ страстей;
Что умышленно къ нимъ, что нарочно она,
Такъ насмѣшливо-зла, такъ горда, холодна,
Что суровостью той хочетъ страсть ихъ убить
И святую любовь потушить, заглушить....
И, что юноши страсть робко молить и ждетъ,
То за злато старикъ, покупая, беретъ.
Но избравъ одного, кто бы ни былъ ужь онъ,
Наслажденье его—ей верховный законъ.
Съ изступленьемъ тогда, дикой страсти полна,
Безраздѣльно ему предается она,
Все блаженство, весь пылъ, всѣ восторги любви,
Все, что нѣга и страсть, и горячка въ крови,
Могутъ вмѣстѣ создать, совершить, изобрѣсть,—
Все, что только хашишъ развѣ бѣ могъ произвести,—
Для счастливца она это все соберетъ,
И въ одинъ океанъ наслажденья сольетъ;
И объять, погруженъ, упоенъ, поглощенъ,
Въ этой безднѣ отрадь позабудется онъ....

Но когда, какъ вампиръ, все, что есть у него,
Достоянье и жизнь, кровь и злато его,
Все, что было за нимъ, что ждало впереди,
До тюрьмы за долги, до хрипѣнья въ груди,
Когда высосетъ все, истощитъ до конца,
И не станетъ на немъ ни сапогъ, ни лица;
Тогда кротко его отодвинетъ она,
И спокойна, хладна, какъ зимою волна,

Скажетъ: «Другъ, у тебя больше нѣтъ ничего,—
«Ты свободенъ, ступай, уходи!» и его,
Словно выжатый плодъ, бросить прочь отъ себя;
Лишь примолвить: «Прощай, я боюсь за тебя:
«Ты усталъ, изнемогъ; тебѣ нуженъ покой,—
«Богъ съ тобою, ступай, полечись, милый мой.»
И напрасно, у ногъ пресмыкаясь тогда,
Онъ бы сталъ умолять,—за другимъ череда;
И, лаская того, она скажетъ тому:
«Другъ, вонъ нищій; подай христа-ради ему ..»

II.

Въ странѣ непроходимой грязи
И первобытныхъ фонарей,
Гдѣ безъ конца заборовъ связи
Идутъ вдоль улицъ-пустырей;
Въ странѣ ни на что не похожихъ
Мостковъ-капкановъ, гдѣ порой
Аллахъ хранить еще прохожихъ,
А на ѣзду махнулъ рукой;
Гдѣ для туземцевъ мостовая—
Недостижимая мечта,
Въ странѣ, гдѣ нравы охраняя,
Живетъ святая простота,

Гдѣ, взявъ чубукъ замѣсто трости,
Собакамъ уличнымъ на страхъ,
Идетъ чиновникъ часомъ въ гости,
Какъ былъ, въ халатѣ и туфляхъ;
Гдѣ, первый округъ задирая,
И въ пику думѣ городской,
Ихъ власть открыто презирая
И оградясь отъ нихъ рѣкой,
Природа отстоять съумѣла
Средь города свои права,
Гдѣ безпрепятственно и смѣло
Ростеть по улицамъ трава,
И виды сельскіе предъ вами
Во всей красѣ своей встаютъ;
Гдѣ граждане передъ домами
Коровъ и куръ своихъ пасутъ,
Хозяйственно разводятъ утокъ,
На лужахъ въ родѣ озерковъ
И даже слышалъ я (безъ шутокъ)
Подчасъ въ нихъ ловятъ осетровъ;—
Спросите сами, коль придется
Въ тотъ край, особенно весной,
Вамъ забрести подчасъ—зовется
Онъ Петербургской стороной.
Такъ вотъ-съ, на улицѣ безвѣстной,
На Петербургской сторонѣ,
Стоитъ донинѣ домикъ тѣсный
Бочкомъ припавъ къ одной стѣнѣ.
Давно (до сокращенья штатовъ),
Въ томъ домѣ жилъ и кончилъ вѣкъ

Андрей, Евстафьевъ сынъ, Ухватовъ—
Хорошій очень человѣкъ,
Чиновникъ и жилецъ примѣрный;
Онъ эмигрировалъ сюда
Изъ дальней гавани галерной
И поселился навсегда.
Онъ былъ изъ тѣхъ натуръ несмѣлыхъ,
Сосредоточенныхъ въ себѣ,
Въ житейскомъ дѣлѣ неумѣлыхъ,
Но стойкихъ въ жизненной борьбѣ;
Изъ тѣхъ натуръ, которыхъ сила
Въ незлобьи кроткой ихъ души.
Судьба его переселила
И долго жилъ онъ здѣсь въ глуши.
Ходилъ на службу акуратно,
Усердно церковь посѣщалъ,
Гдѣ тихо пѣвчимъ подпѣвалъ
(Онъ съ молоду пѣвалъ пріятно),
Любилъ порою помечтать,
Любилъ Загоскина романы,
Или Марлинскаго читать;
А образъ дѣвственной Татьяны
Въ душѣ глубоко обожалъ,
Но Гоголя не уважалъ—
Не могъ понять, онъ что за радость
Въ герои штатскихъ выбирать
И на своихъ такую гадость,
Такія критики писать.
Онъ находилъ, что сочинитель
Такой совсѣмъ не патріотъ,

А злонамѣренный хулитель,
На роскошь Пиндѣ злой уродъ.
Маниловъ нѣсколько въ возрѣньяхъ,
На міръ безъ желчи онъ смотрѣлъ,
И сплошь бѣдая въ немъ, умѣлъ
Какъ гегельянецъ примиренье
Въ душѣ незлобной находить
Межъ тѣмъ, что есть и должно быть.
Случайно, какъ-то, самъ не зная,
Онъ разъ вступилъ въ законный бракъ,
Судьба коварная и злая,
Его всегдашній, лютый врагъ,
Да Марфа Савишна жилища
Сосѣдней комнаты въ дому,
Лѣтъ тридцати-пяти дѣвица,
Такъ подрадли разъ ему.
Она то, чувствуя призванье
Помочь гнести его судьбѣ,
Безъ жалости и состраданья
Его женила на себѣ.
Увы, читатель, офицерство
Его повергло въ ту напасть,
Она свершила это звѣрство,
Чтобы въ чиновницы попасть.
Вода съ огнемъ, и свѣтъ со тьмою,
Или Бѣлинскій и Ѡаддей
Не такъ несродны межъ собою,
Какъ былъ Андрей Евстафичъ съ ней.
О нравахъ сей почтенной дамы,
Кой-что сказать я долженъ вамъ

И заявить при этомъ прямо,
Что мало есть подобныхъ дамъ.

При множествѣ даровъ природныхъ,
Безвѣстныхъ робкому уму,
Профессій самыхъ разнородныхъ
Она имѣла просто тьму:

Она скупала, продавала,
Съ старьемъ ходила по домамъ,
Дѣтей за бабуку принимала
И хлопотала по дѣламъ;
Была и свахой, и лекаркой,
И толковательницей сновъ,
Пропагандисткой самой жаркой
Чужихъ секретовъ, дѣлъ и словъ.

Среди скептического вѣка,
Она умѣла пріобрѣсть
Такую жъ вѣру, какъ Задека—
Отдать ей должно въ этомъ честь.

Ея пророчества, гаданья
На воскѣ, гущѣ и бобахъ,
Или по картамъ предсказанья
Въ иныхъ вселяли даже страхъ.
Даръ въ словопреньяхъ геніальный,
Ей данъ былъ щедрою судьбой:

Ее боялся самъ квартальный,
И обѣгалъ городской.

Предъ ней былъ скромень плутъ сидѣлецъ,
И разъ пустивъ ее въ свой домъ,
Ей заплатить былъ радъ владѣлецъ,
Чтобы отдѣлаться потомъ.

Появъ такое совершенство
Подругой жизни и женой,
Андрей Евстафичъ бѣдный мой,
Свое семейное блаженство,—
Хоть часомъ жизни былъ не радъ,
Сносилъ, какъ истинный Сократъ.
Сей бракъ благословилъ Создатель,
Какъ говорить у насъ народъ,
И въ домѣ, ровно черезъ годъ
Явился новый обитатель:
Однажды, какъ-то, лѣтомъ въ ночь
Господь послалъ супругамъ дочь.
Прижавъ къ груди своей малютку,
Благословилъ ее отецъ;
Бѣднякъ хоть разъ то не на шутку
Былъ въ жизни счастливъ наконецъ.
За этотъ даръ, подчасъ тяжелый
Даръ для подобныхъ голышей,
Впервые счастливый, веселый,
Онъ все простилъ судьбѣ своей.
Какъ будто обновленный, съ жаромъ
Вознесъ онъ къ небу ясный взоръ
Въ сознаньи сладкомъ, что съ сихъ поръ,
Онъ въ мірѣ будетъ жить не даромъ,
Что жизнь безцѣльная его,
Его тупое прозябенъе,
Ненужное ни для кого,
Вдругъ получило назначенье;
Что прекратилось сиротство,
Что есть на свѣтѣ существо,

Которому и онъ сердечный
Необходимъ, и для кого
Онъ будетъ жить и кто конечно
Полюбитъ также и его.
Что съ этимъ крошечнымъ созданиемъ
Рука съ рукою онъ пойдетъ,
О немъ заботой, воспитаньемъ
Наполнить жизнь свою; и вотъ
Все, что въ душѣ его забитой,
Что въ сердцѣ любящемъ его,
Невѣдомо ни для кого,
Таилось нѣжности сокрытой,
Сосредоточилъ онъ на ней,
На милой дѣвочкѣ своей.
Её качалъ онъ въ колыбелькѣ,
Её онъ нянчилъ, ею жилъ,
Нерѣдко ночи проводилъ
У крошечной ея постельки,
Не зная отдыха и сна,
Когда была она больна.
Покорный Савишнѣ всецѣло
Всегда податливый, теперь,
Когда о дочери шло дѣло,
Онъ становился словно звѣрь.
Въ немъ проявлялась сила воли,
Сознаніе забытыхъ правъ,
Онъ заставлялъ ее при Олѣ
Смирять эхидно-грубый нравъ.
И Савишна, должно признаться,
На этотъ разъ, какъ ни была

Всегда настойчива и зла,
И неохоча поддаваться,
Но встрѣтивъ вдругъ такой отпоръ,
Смирила сродный ей задоръ
И основательно смекнула,
Что съ мужемъ тутъ не совладать,
И совершила благодать:
На дочь съ отцомъ рукой махнула,
За жизнь старинную взялась,
И съ увлеченіемъ обычнымъ
Своимъ занятіямъ привычнымъ
Она какъ прежде предалась.
Свершивъ сей подвигъ небывалый,
Ухватовъ, скромный мой герой,
Не возгордился имъ ни мало;
Онъ только крѣпче, всей душой
Къ своей малюткѣ привязался.
И вотъ среди его заботъ
Ребенокъ росъ и развивался
И хорошѣлъ изъ года въ годъ.
И сталъ онъ дѣвочкой красивой;
Отецъ, души не слыша въ ней,
Гордился Олинькой своей,
Ея успѣхами счастливый.
И даже Савишна подчасъ,
Хоть не любила умиляться,
Но не могла не восхищаться
Своею дочкой; и не-разъ
Ей любовалась поневолѣ.
И точно маленькая Оля

Своею чудной красотой,
Своимъ умомъ и кроткимъ нравомъ,
Открытымъ, честнымъ, нелукавымъ,
Своей сердечной добротой
Была премилое созданье.
Отецъ, чтобъ дать ей воспитанье,
Трудился сколько было силъ;
Сперва онъ самъ ее училъ,
Когда же весь свой небогатый
Запасъ познаній истощилъ,
Дочь въ пансіонъ онъ помѣстилъ
И принялъ въ домъ къ себѣ безъ платы
Студента-медика, чтобъ тотъ,
Принявъ, какъ слѣдуетъ, въ расчетъ
Квартиру, столъ и отопленье,
Ей отъ трапезы просвѣщенья
Порой крупицы удѣлялъ
И съ ней уроки повторялъ.
Теперь, читатель мой почтенный,
Вамъ доложить имѣю честь,
Что онъ то именно и есть,
Студентъ-нахлѣбникъ сей смиренный,
Герой рассказа моего;
И такъ два слова про него.

— 20 —

Ш.

Онъ былъ,—читатель не взыщите,—
Онъ былъ поповичъ, мой герой.
Согласенъ, если вы хотите,
Немного страненъ выборъ мой,
Немного дикъ;—о томъ ни слова;
Но гдѣ же взять теперь другаго?
Запасъ героевъ истощенъ
И *нашего* и всѣхъ временъ.
Корсары, воины, поэты,
Разочарованные львы,
Артисты, чернецы, увы!
Черкесы даже, всѣ воспѣты,
Всѣхъ славилъ русскій Геликонъ;
Одинъ поповичъ обойденъ.

Одинъ онъ дѣвственно остался
Поэтамъ на голодный зубъ,
Но вотъ теперь и онъ попался
Въ поэму, какъ ворона въ супъ.
Онъ сдѣлался герой романа,
Но въ вѣкъ всеобщаго изъяна,
Въ эпоху кризисовъ во всемъ,
На остальное мы живемъ.
А впрочемъ, почему же, право,
Не быть героемъ и ему?..
Ужели только потому,

Скажите, обсудивши здраво,
Что онъ не ротмистръ, не артистъ,
Что просто онъ семинаристъ?

Надѣюсь, этимъ отступленьемъ
Я примирилъ читатель васъ
Съ Строилова происхожденьемъ
И продолжать могу рассказъ;
Съ моимъ героемъ хоть немного
Васъ познакомить. Круто, строго
Съ-изъ-дѣтства жизнь ему далась.
Сурово въ немъ отозвалась
Та жизнь, хоть отпечатокъ мѣстный,
Иль касты, правильнѣй ска ать,
Умѣлъ онъ частью потерять.
Его отецъ, какъ вамъ извѣстно,
По званію въ средѣ людей
Былъ деревенскій іерей.

Особенно среди бабья,
Была сильнѣе попадья.

Она была дружна со всѣми
Аристократками села,
Умѣла сблизиться съ однѣми
Другимъ сама нужна была.

Того лечила, тѣмъ гадала;
Притомъ чего она не знала,
Какихъ секретовъ, средствъ и мѣръ?—
Что нужно дѣлать, напримѣръ,
Чтобъ отъ запоя излечиться,
Чтобъ лучше курица неслась,
Чтобъ баба съ мужемъ не дралась,
Какимъ святымъ о чемъ молиться;
Ну словомъ просто: для села
Она оракуломъ была.

Средь этой жизни незавидной
Василій свѣтъ увидѣлъ. Онъ
(Необходимостью обидной
Я въ томъ сознаться принужденъ)
Ничѣмъ не отличался въ дѣтствѣ
Отъ веѣхъ другихъ дѣтей въ сосѣдствѣ,
Какъ это принято давно,
Какъ подобало—бы оно
Герою всякаго романа.
И мнѣ конфузно очень, да,
Вамъ признаваться, господа,
Что юный сынъ отца Ивана
Явить собою идеаль,
Надеждъ отнюдь не подавалъ.

Врагъ этикета, формъ и моды,
Съ утра покинувъ отчій домъ,
Онъ обожалъ, какъ другъ свободы,
По лужамъ шлепать босикомъ,

Какъ всѣ другіе ребяташки,
Считалъ излишествомъ штанишки,
Ловецъ былъ велій воробьевъ
И бичъ отъявленный садовъ,
(Хоть и терпѣлъ за то не мало,
Когда, случилось часомъ, онъ
Бывалъ на мѣстѣ уличенъ.)
А къ довершенію скандала
Былъ также грязенъ и румянъ,
Какъ дѣти всѣхъ другихъ крестьянъ.

Лѣтъ въ семь сей мужъ многогрѣховный
Былъ въ храмъ науки отведенъ,
И въ тайны грамоты церковной
Дьячкомъ приходскимъ посвященъ.
Узналъ, что съ древа знанья сущи,
Плоды красны, но лозы жгущи,
Въ два года, съ помощью тузовъ,
Преодолѣлъ весь часословъ,
И въ праздники, одѣтый франтомъ
Въ длиннѣйшій нанковый хитонъ,
И въ сапожищи погруженъ,
Онъ пѣлъ на клиросѣ дискантомъ,
Въ усладу цѣлаго села,
Или звонилъ въ колокола.

Когда сей курсъ элементарный
Былъ имъ исчерпанъ наконецъ,
Его однажды, въ день базарный,
Отвезъ въ училище отецъ.

И вотъ съ минуты той всецѣло
Живымъ ребенкомъ овладѣла
Та непроглядная, какъ ночь,
Схоластики рутинной дочь,
Всеподавляющая сила
Той педагоги сухой,
Безплодной, мертвой и тупой,
Которая у насъ убила
Въ тискахъ невидимыхъ своихъ
Талантовъ много молодыхъ.

И началъ Вася курсъ ученья
Съ долбяшкой вѣчной на обумъ,
Гдѣ силой порока и зубренья
Мелчаетъ духъ и сохнетъ умъ,
Тотъ курсъ, котораго нерѣдко
Несокрушима такъ отмѣтка,
Что какъ ни бьется человѣкъ,
А не сотреть ее весь вѣкъ;
Тотъ курсъ, въ которомъ заключенье
Одно изъ двухъ: иль оптимизмъ,
Иль безразличный скептицизмъ
Съ приправой ѣдкой озлобленья
На все и всѣхъ, и оттого
Непризнающій ничего.

Немногимъ только удастся
На этомъ сумрачномъ пути,
Гдѣ все стирается и мнется,
Живое что нибудь спасти,

Цѣною тягостныхъ усилій.
Изъ ихъ числа былъ нашъ Василій;
Въ немъ семинарскій мракъ и гнетъ
Нашелъ другой себѣ исходъ.
Не всемертвующимъ отрицаніемъ
Онъ отразился на него,
Но сдѣлалъ стойкомъ его,
Который собственнымъ сознаньемъ
Не промиритъ ни для чего,
Чтобъ не терялъ онъ оттого.

Затѣмъ и нелюбъ былъ онъ многимъ
Прямымъ характеромъ своимъ,
Неумолимо-честнымъ, строгимъ
Къ себѣ самому и другимъ.
Добрякъ, и недругу и другу
Всегда готовый на услугу,
Онъ всѣмъ, чѣмъ только было въ мочь,
Готовъ былъ всякому помочь;
Но гордый въ дѣлѣ убѣжденья
О всемъ, что честью называлъ,
Онъ никакихъ не допускалъ
Уступокъ, сдѣлокъ, снисхожденья
И вѣрный правиламъ своимъ.
Онъ въ этомъ былъ неумолимъ..

Всегда ль онъ право и гуманно
Въ томъ поступалъ—вопросъ иной.
О немъ и много и пространно
Вамъ пояснить бы могъ другой

И, заявивъ вліянье вѣка
На общество и человѣка,
Сказать, что мы съ тѣхъ поръ впередъ
Ушли, что вотъ и Малешотъ;
И Льюсь и, Фогтъ теперь извѣстны;
Но я за это не берусь;
Я мнѣнія того держусь,
Что оговорки неумѣстны.
Герой мой выступить предъ васъ
Такимъ какъ былъ онъ, безъ прикрасъ.

V.

Занимаясь подчасъ своей дочки судьбой,
Марѳа Савишна такъ разсуждала порой,
Распизвая съ кумой иль сосѣдкой своей
Кофеи въ пятый разъ: вотъ-де Ольгѣ моей
Ужъ семнадцатый годъ, и на-что хороша,
А что толку—то въ томъ, если нѣтъ ни гроша?..
О, о, охъ, иногда, прибавляла она,
Эти дочери намъ только тягость одна.
Что хлопотъ-то за ней! Возрости, воспитаѣ,
А потомъ и возись, и покою не знаѣ!
Я стара, мнѣ не въ мочь, нынче часто больна,
Время-бъ дочкѣ беречь и лелѣять меня.
Ну, какой отъ нея для семейства доходъ?...

Будеть шить, иль учить, — много-ль этимъ сбереть?
Выйдетъ замужъ, — да гдѣ-жъ здѣсь отыщется мужъ?
Съ состояньемъ женихъ не пойдетъ въ эту глушь;
А за здѣшнихъ?... Да кто здѣсь бываетъ у насъ?
Петръ Семенычъ Стригунъ, да Строиловъ подчасъ, —
Оба голь, не для нихъ этотъ созданъ кусокъ,
И въ мужьяхъ-то такихъ: невеликъ больно прокъ;
Гдѣ имъ тещу беречь, голышанамъ такимъ,
Успокоить ее?... нечѣмъ жить и самимъ.
Да, за бѣднымъ-то быть, знаю я каково:
Не дай Богъ никому, — испытаешь всего;
Только слава жена, да чиновница, да;
Тутъ и весь авантажъ; а труда-то труда!..
Вотъ и майся, живи; а что толку-то честь, —
Правду молвить народъ, — если нечего ѣсть.
Вотъ что за-мужемъ ждетъ съ этой голью дѣвицъ!
То-ли дѣло взглянуть: Эмма Карловна Шницъ!
Посмотрѣть на нее, — просто зависть беретъ.
Что за дѣло кому, что не въ бракѣ живетъ?
Эка важность! За то въ наслаждение свое.
Или та вотъ еще, какъ зовутъ бишь ее?...
Той ужъ точно удѣлъ благодатный припалъ:
Покровитель для ней даже мужа сыскалъ,
Изъ чиновниковъ, что-ль, подчиненныхъ своихъ,
Всѣ приличья соблюлъ, обвѣнчалъ, видишь, ихъ,
Наградилъ, говорятъ, просто барски его,
Да и мѣсто тотчасъ приискалъ для него;
Ну, конечно, не здѣсь, а подальше отъ глазъ,
Тамъ куда-то въ Сибирь, за Уралъ, на Кавказъ.
А тому все равно; онъ бѣдняга и радъ,

Что послалъ ему Богъ въ жизни этакій кладъ:—
Испытать наконецъ несобачье житье, —
Поскорѣй ускакалъ и оставилъ ее.
И вотъ такъ-то съ тѣхъ поръ стала дамой она,
И живетъ здѣсь теперь на свободѣ одна;
Да живетъ-то вѣдь какъ?... Гдѣ графинѣ иной!
Заѣзжала ко мнѣ какъ-то прошлой весной
Раза два —погадать; знать хотѣлося ей,
Что червонный король помышляетъ о ней;
Заѣзжала тишкомъ, въ экипажѣ ямскомъ,
Ну, и въ платѣ, по ней, ужъ конечно, простомъ,
А поди-ка купи, —чай рублевъ шестьдесятъ!
Каково-жъ быть должно, то что носить въ парадъ?
Такъ вѣдь вотъ какъ она здѣсь изволить франтить!
Ну, да правду сказать, не дивье ей кутить;
Вѣдь старикъ для нея не щадитъ ничего,
Ну, а онъ не одинъ; —мало-ль кромѣ его
Обираетъ она и купцовъ, и господъ?...
Любопытно бы знать: сколько въ годъ соберетъ?
Что подносить за-разъ ей какой нибудь франтъ?—
Вѣдь я чаю у ней есть на все преисъ-курантъ.
А по мнѣ такъ оно, какъ хотите, умно;
Бѣднымъ дѣвушкамъ всѣмъ этакъ жить бы должно,
Если только онѣ изъ себя хороши.
Тамъ, что хочешь себѣ, говори и пиши,
И пріятно самой, и семейству расчетъ,
Да и мужа она такъ скорѣе найдетъ.
Изъ служащихъ-то кто посолиднѣй и радъ
Взять такую жену, безъ оглядки назадъ,
Если только шепнуть, что окромѣ всего,

Покровитель жены не оставитъ его.
Вѣдь и этой-то мужъ точно такъ получалъ
Повышенья въ чинахъ, и теперь генералъ!
А за нимъ и она генеральша тудъ-жъ;
И хоть знаешь ее, а ужъ честь-то отдашь,
Потому что она все же мужу жена;
Да такихъ генеральшъ, чай, у насъ не одна!
И наивно дивясь счастью барыни той,
Марѳа Савишна такъ уносилась мечтой:
Вѣдь дѣвченка моя покрасивѣй ее,
И моложе притомъ.... Что когда-бъ для нее
Отыскался такой благодетель-отецъ?...
То то-бъ зажили мы безъ хлопотъ наконецъ,
Закутили-бы съ ней, удивили-бы всѣхъ!....
Только вотъ въ чемъ бѣда: эта Ольга на грѣхъ,
Какъ ребенокъ, еще и глупа, и проста,
А тутъ нуженъ и умъ, не одна красота....
Развѣ я ужъ о ней позабочусь сама;
Пусть хоть только-бъ на то въ ней хватило ума,
Чтобъ совѣты мои какъ должно исполнять,
Покоряться во всемъ, пустяковъ не мечтать,
И понять, что теперь не былая пора,
И что я-де ей мать и желаю добра,
Для красавицъ же свѣтъ не безъ добрыхъ людей,
Только-бъ случай Господь ниспослалъ поскорѣй.
Помня-жъ правило то: чтобы случай найти,
Не должно его ждать, а на встрѣчу идти,
Марѳа Савишна планъ начертала тотчасъ,
А когда ужъ она порѣшила что разъ,—
Не осилить ее никакая мольба;

Такъ была рѣшена бѣдной Ольги судьба.
Мать ей просьбу дала и велѣла ходить
По дворамъ, по домамъ подавня просить;
Особливо-жъ искать приказала кварталъ,
Гдѣ богатый живетъ молодой офицеръ,
Или знатный старикъ, холостой иль вдовецъ,
Иль купеческій сынъ, разгульной молодецъ.
Отпуская ее, материнскій свой взглядъ
Обращала она на дочернинъ нарядъ,
Наблюдала затѣмъ, чтобы Оля тогда,
Словно въ гости, была пріудѣта всегда,
Чтобъ нарядъ, хоть простой, былъ кокетливо сшитъ,
Чтобъ имѣла она презентабельный видъ,
Чтобы шелъ ей къ лицу, чтобъ красиво сидѣлъ,
Чтобы всякъ на нее съ наслажденьемъ глядѣлъ
И видалъ-бы тотчасъ, что хоть просить она,
Но не нищая, нѣтъ,—благородно-бѣдна.
Чтобъ чесалась къ лицу, чтобы все у нея,
И вверху и въ низу, въ туалетѣ ея
Было чисто, свѣжо, хоть сейчасъ на показъ,
Чтобъ пріятно она щекотала-бы глазъ
И вниманье къ себѣ привлекала людей.
Чтобы платье на ней отдувалось пышнѣй,
Чтобы лифъ былъ открытъ, крѣпко стянуть корсетъ,
Что скрывать-де своихъ авантажей не слѣдъ.
Научала ее эта добрая мать,
Что должно говорить, какъ и что отвѣчать,
А урокъ былъ такой: что прошедшей весной,
Нашъ родитель, дескать, померли въ водяной,
Что служили они благородно въ судѣ,

*

Оттого-де теперь и семейство въ нуждѣ,
Что мамаша съ тѣхъ поръ въ разслабленьи лежать
И что врядъ-ли имъ встать, доктора говорятъ.
А въ дому у нея пять малютокъ-сестрицъ,
Такъ и просить она сострадательныхъ лицъ,
Въ положенье входя безпомощныхъ сиротъ,
Что-нибудь удѣлить отъ своихъ имъ щедротъ.
Мать старалась притомъ ей внушить, что она
Деревенщиной быть межъ людьми не должна,
А стараться всегда угождать имъ во всемъ,
Что бояться мужчинъ очень глухо притомъ:
Что мужчина не съѣсть, онъ не звѣрь, не медвѣдь,
Что однакожъ должно, говоря съ нимъ, краснѣть,
Что стыдливость-де есть украшенье дѣвицъ,
Но полезно порой изъ подъ длинныхъ рѣсницъ
Бросить вдругъ на него поумильнѣе взглядъ,
Вѣдь умѣнье глядѣть есть для дѣвушекъ кладъ.
Въ заключеніе жъ всего, нѣжной маменькой той
Бѣдной Ольгѣ приказъ отдавался такой:
Чтобъ на шутки всегда отвѣчала шутя,
Дабы всякій видалъ, что она не дитя,
И хотя можетъ по годамъ быть молода,
Но какъ должно совсѣмъ и во всемъ развита.
Чтобъ не смѣла она обижаться отнюдь,
Если-бъ вздумалъ порой изъ мужчинъ кто нибудь
Поцѣлуй попросить или за руку взять,
Иль за талью ее, шутки ради, сбнять;
Съ разсерженнымъ лицомъ привлекать мудрено,
А амбицію имѣть бѣднымъ людямъ смѣшно.
Развѣ очень ужъ кто къ ней-бы сталъ приставать

Ну и платье ея черезъ-чуръ уже мять,
Объщать то и сѣ, да манить на любовь,
То такому она, безъ обичивыхъ словъ
И безъ гнѣва, сказать деликатно должна,
Что не смѣетъ любить безъ мамыши она;
Что слыхала въ людяхъ поговорку притомъ:
Кто-де любить меня, тотъ отыщетъ мой домъ;
А мамаша всегда рада добрымъ людямъ,
Квартируемъ-же мы вотъ-де тамъ то и тамъ.

VIII.

Паденье Ольги тяжело, больно
Василью на сердце легло.
Онъ видѣлъ самъ ее. Довольно,
Сомнѣнья быть ужъ не могло.
Но очевидность, убѣжденье
Не объясняли ничего,
И въ этомъ страшномъ превращеньи
Все было темно для него.
Она, столь чистая когда то,
Она, невинное дитя—

Безстыдной жрицею разврата
Предъ нимъ является, шутя!
Какъ это все могло случится?
Не могъ онъ дать себѣ отчетъ;
Ужели въ годъ, въ одинъ лишь годъ
Могла такъ Ольга измѣниться?...
И въ размышленіи о томъ
Шла голова его кругомъ.
Когда бъ она его забыла,
Увлечшись страстію иной,
Когда бы чисто, всей душой,
Она другаго любила,
Онъ можетъ также бы страдалъ,
Страдалъ бы тяжело и глубоко,
Въ томленьяхъ ревности жестоко,
Свою судьбу бы проклиналъ;
Но сердцемъ честнымъ и правдивымъ
Неукоснительно во всемъ,
Хотя бы дѣло шло о немъ,
Онъ не считалъ бы справедливымъ
Къ ней уваженъе потерять;
И еслибъ нужно было, кровью
Ее, наперекоръ злословью,
Не усомнился бъ защищать.
Святое право уваженъя
Ему бъ осталось въ утѣшенъе,
И въ глубинѣ души своей,
Растерзанной, убитой нынѣ,
Онъ поклонялся бъ, какъ святынѣ,
Воспоминанію о ней.

Но Ольга—буйная вакханка,
Она, бесстыдно, не любя,
За деньги продаетъ себя,
Но Ольга, Ольга содержанка,
Но Ольгу должно презирать!...
И онъ безумствовалъ, терялся,
Не понимая ничего;
Но намъ дневникъ его достался
И вотъ отрывки изъ него:

—
«Я видѣлъ, видѣлъ, наконецъ!
Самъ видѣлъ эту....Сомнѣваться
Непозволительно. Глупецъ!
Я за нее готовъ былъ драться,
Готовъ былъ вызвать шалуновъ,
Всбѣшенный наглостью ихъ словъ.
Дуэль....Вотъ было бы чудесно!
Дуэль по поводу извѣстной....»

—
«Что я ей сдѣлалъ?...,Для чего
Со мной ей было притворяться,
Змѣей вокругъ сердца обвиваться,
Чтобъ задушить потомъ его?...
Зачѣмъ ей было лицемерить,
Чтобъ послѣ душу мнѣ разбить?
Презрѣнная. .. Чему же вѣрить,
Что послѣ этаго любить?
Что значать наши всѣ понятя:
Любовь и вѣчность, и душа?....
Все это сказки, вздоръ....Проклятье!

Она все также хороша!....»

«И такъ они прошли минуты обольщенья,
Какъ дорого за нихъ расплачиваюсь я!
Да, тяжело узнать и стыдъ, и униженье
Того, что было намъ святыней бытія.
Такъ вотъ ты женщина, природы совершенство,
Вотъ ты посредница межъ небомъ и землей,—
По мнѣнію глупцевъ, которые блаженство,
И счастья найти надѣются съ тобой.
О какъ упала ты! Какъ низко ты упала!
Какъ отвратителенъ сталъ видъ прекрасный твой!..
Любить тебя, мнѣ силъ, мнѣ чувствъ не доставало;
А ты?....Несчастливая, что сдѣлала съ собой?..
Къ ногамъ твоимъ я снесъ все, все что мнѣ священо,
Чѣмъ я гордился такъ, тебѣ все отдалъ въ даръ:
Восторги свѣтлые души непомраченной
И сердце чистое, и юношескій жаръ.
Я вѣровалъ въ тебя, какъ люди вѣрятъ въ Бога,
Къ моей любви къ тебѣ я заключилъ мой міръ,
Я обожалъ тебя такъ свято, такъ высоко,
А ты?....Зачѣмъ же ты разбила мой кумиръ?..
Ты опозорила души моей святыню,
Святыню чистую моей къ тебѣ любви!
О, женщина змѣя, я чуждъ тебя отнынѣ,
И страшны мнѣ теперь объятія твои.
Да будетъ проклята минута нашей встрѣчи,
Да будетъ проклятъ часъ, какъ я тебя узналъ,
И дни, когда твоей внимая адской рѣчи,
Вѣнецъ созданія въ тебѣ я обожалъ!....»

Не жди же женщина ни жалобъ, ни упрековъ;
Ты не достойна ихъ. Не стану я корить
И все съумѣю скрыть въ душѣ моей глубоко,
И не пойду ни съ кѣмъ несчастія дѣлить!...
Я задушу въ груди въ зародышѣ стenanья,
Вмѣшаюся въ толпу и свѣтскихъ обезьянъ
Улыбкой пошлою сотру съ лица страданье,
И смѣхомъ заглушу всю боль сердечныхъ ранъ.
Я равнодушіемъ убью души волненье,
Подъ хладомъ разума потухнетъ жаръ крови:
Но въ сердцѣ, гдѣ къ тебѣ живетъ одно презрѣнье,
Не будетъ болѣе ужъ мѣста для любви! ...»

—
«Къ чему эти вопли, проклятья,
Отчаянья дѣтскій парадъ?...
Забавень на жизнь нашей братьи
Наивно-ребяческій взлядъ!
Дѣйствительной жизни въ пустыню
Мы входимъ исполнены грѣзъ,
Въ душѣ затая, какъ святыню,
Созданье гармоньи и розъ,
Созданье видѣній неясныхъ,
Созданье кипучей мечты,—
Его, идеаль нашъ прекрасный,
Дитя неземной красоты.
Намъ жизнь представляется пиромъ
Любви, наслажденья,—и тамъ
Царицей, душой и кумиромъ
Является женщина намъ.

И къ ней мы бросаемся жадно,
Въ ней видимъ залого всего;
И свой идеаль ненаглядный,—
Безумцы,—въ ней ищемъ его!
И стоитъ смазливой фигуркѣ
На насъ поумильнѣй взглянуть,
Иль, глазки потупя, въ мазуркѣ
Глубоко и томно вздохнуть,—
И груди открытой движенъе,
Подъ гнетомъ корсета, тотчасъ
Таинственно приметъ значенъе
Душевныхъ порывовъ для насъ.—
И вѣтъ въ идеалы плутовку
Спѣшимъ уже мы произвести,
И въ жертву предъ дѣвочкой ловкой
И душу, и сердце принести.
И сами себя обольщая,
Въ разгарѣ горячей мечты,
Мы щедро для ней расточаемъ
Фантазіи нашей цвѣты;
Навяжемъ ей всѣ совершенства
Изящества, грацій, красоть,
И молимъ, и просимъ блаженства;
А сердце и вѣрить, и ждеть.
Не такъ—ли свой идолъ дубовый,
Созданъе сѣкиры своей,
Въ цвѣточные рядить покровы
Дикарь австралійскихъ морей;
И послѣ предъ нимъ на колѣни
Становится набожно самъ,

И жаркой мольбы и хваленій
Возносить предъ нимъ ѳиміамъ?..
Когда же намъ опытъ суровый
Отыметъ повязку отъ глазъ,
И идолъ, утративъ покровы,
Чѣмъ есть онъ предстанетъ предъ насъ —
Созданьемъ безъ сердца и чувства,
И намъ убѣдиться должно,
Что женщина — дѣло искусства,
Что все въ ней искусство одно,
Что все, что въ ней сердце любило, —
Обманъ, обаянье, мечта,
Что собственнымъ только въ ней было
Одно лишь: ея красота;
Что томныхъ волненій причиной
Былъ тѣсной чрезъ мѣру корсетъ,
Иль видъ молодаго мужчины
На дѣву семнадцати лѣтъ;
Что были наряды предметомъ
Таинственныхъ вздоховъ ея,
Что глупо въ созданіи этомъ
Искать было счастье свое;
Тогда-то съ ребяческимъ гнѣвомъ
Мы вдругъ нападаемъ на свѣтъ:
Зачѣмъ въ немъ существенны дѣвы,
А дѣвъъ умозрительныхъ нѣтъ!
И вотъ мы, въ порывѣ печали,
Какъ будто насъ кто обманулъ,
Какъ будто-бы насъ обокрали,
Готовы кричать: караулъ!

Готовы бы женщинъ безвинно
Изгнать совершенно съ земли,
Забывъ что мечтою безчинной
Мы сами себя увлекли.
Бросаемъ въ нихъ, бѣдныхъ, проклятья,
Въ нихъ видимъ коварство и адъ. ...
Да, страненъ на жизнь нашей братъи.
Въ тѣ годы ребяческій взглядъ!....»

И такъ, достойнѣйшій читатель,
Ты видишь самъ, что мой пріятель,
Что мой герой, къ его стыду,
Хоть былъ и стойкъ, и поповичъ,
Могъ несть такую жь ерунду,
Какъ я, какъ вы, Иванъ Петровичъ,
Какъ всякій, наконецъ, изъ насъ
Ее несетъ себѣ подчасъ,
Когда въ немъ очень за живое
Задѣнуть чувство дорогое;
Что и такой субъектъ порой,—
Хоть вовсе чуждъ онъ блажи барской,
Хоть до конца прошелъ сквозь строй
Гуманной школы семинарской,—
Способенъ, также какъ и мы,
Незакаленные умы,
За ту же Олю иль Анюту
Впасть въ патетическую роль,
И жизни въ трудную минуту
Не выдержать безъ крика боль,
Болтать и безъ толку, и много,

То умирительно, то строго,
Стараясь утопить любовь
Въ потокѣ всякихъ жалкихъ словъ.
Должно-ль намъ осмѣять за это
Иль обвинить его?—едва-ль.
Онъ молодъ былъ, и въ эти лѣта
Еще такъ многого намъ жаль,
Такъ многое терять намъ больно,
Съ чѣмъ мы сроднились всей душой;
И этотъ плачь его невольный
Наединѣ съ самимъ собой
Весьма естественною данью
Былъ человѣчности его.
Легко смѣяться въ носъ страданью,
Коль не страдаешь отъ него.
Немного надобно искусства
И силъ тѣмъ стойками быть,
Въ комъ человѣческое чувство
Себя невластно заявить;
Въ комъ отъ природы сердце глухо
И неучастно ни къ чему
Кто апатично, вяло, сухо
Вѣкъ относился ко всѣму.
Давольно съ насъ, что въ горѣ этомъ
Бѣднякъ умѣлъ себя держать,
Не рисовался имъ предъ свѣтомъ,
Что силъ должно въ немъ скрывать
Передъ людьми свое несчастье
И не искать ни въ комъ участя,
Что только предъ симимъ собой

Лгать не хотѣлъ Василій мой.
Но этой исповѣди темной
Не угадалъ бы хитрый свѣтъ,
Когда бы я, поэтъ нескромный,
Не выдалъ вамъ ея секретъ.

Х.

Была ужъ осень. Опустѣли
Аллеи парка. Вѣтра свистъ
Смѣнилъ арфянокъ тощихъ трели,
Кругомъ валился жёлтый листъ.
Въ изгибѣ узенькой аллейки,
Въ раздумье тяжкомъ, подъ кустомъ,
Сидѣли грустно на скамейкѣ
Стромиловъ съ Ольгою вдвоемъ.
Они здѣсь встрѣтились случайно,
Безъ соглашенія впередъ;
Но каждый шелъ съ надеждой тайной,
Что тамъ другаго ужъ найдетъ.
Хоть не было межъ ними рѣчи
Опять сойтись; но горячо
Они желали этой встрѣчи,
Чтобъ разъ увидѣться еще.
Такъ, совершая долгъ печальный

Надъ прахомъ милыхъ и родныхъ,
Когда моленія о нихъ
Обрядъ оконченъ погребальный,
И мигъ наступить роковой—
Тяжелой крышей гробовой
Закрѣтъ на-вѣки ликъ любимый,
Мы чувствуемъ неодолимый,
Въ тотъ мигъ разлуки съ мертвецомъ,
Въ душѣ порывъ желанья, жажды
Еще хотъ разъ, еще однажды
Взглянуть на милое лице.
И встрѣча ихъ не удивила:
Они готовы были къ ней.
«Въ-послѣднее?..» она спросила,—
Онъ молча руку подалъ ей,
Кивнулъ печально въ знакъ отвѣта;
Другаго не было привѣта
Межъ ними сдѣлано. Потомъ
Безмолвно сѣли за кустомъ.
Но если ихъ уста молчали,
Зато біеніемъ сердець
Они другъ другу отвѣчали
Въ нѣмой бесѣдѣ. Наконецъ
Сквозь слезъ она заговорила.
Подъ гнѣтомъ тяжко-скорбныхъ думъ,
Ее онъ слушалъ, какъ могила,
И безотвѣтенъ, и угрюмъ.
Увлечшись памятью невольно,
О прошломъ рѣчь вела она
И горько плакала.

«Довольно,»

Сказалъ онъ: «выслушай: одна
Судьбою доля намъ дана.
Къ чему жъ будить воспоминанья?
Воспоминанья тѣ—страданья,
Во мнѣ сносить ихъ нѣту силъ.
Ктобъ не былъ онъ, кто насъ сгубилъ!
Но намъ къ былому нѣтъ возврата:
То, что случилось, какъ мертвецъ,
Легло межъ нашихъ двухъ сердецъ,
И трогать ранъ его не надо.
Намъ не забыть о томъ, повѣрь,
И черезъ годы, какъ теперь.
Не льстись-же упованьемъ ложнымъ...
Нѣтъ, бѣдный другъ мой, невозможнымъ
Не искушай меня. Поди!..
Тамъ что-то порвалось въ груди
И такъ болить, гнететь какъ бремя,
Подавлена душа моя.
Оно пройдетъ; но нужно время—
Я оттерплюсь, привыкну я...
Вѣдь ко всѣму привыкнуть можно,
Во всемъ насиловать себя,
Сродниться съ долей безнадежной
И даже.... не любить тебя!..
Я постараюсь,—можетъ статья
Удастся мнѣ тебя забыть,
Но намъ ненадобно встрѣчаться,
Но намъ недолжно вмѣстѣ быть.
Да, при тебѣ мнѣ будетъ трудно:

Я такъ любилъ, и ты такъ чудно,
Все также дивно хороша,
Съ тобой сроднилась такъ душа;
Я слабъ, поддамся обольщенью...
Но вѣрь: дѣйствительность, она
Неумолима и грозна,—
И вслѣдъ за каждымъ увлеченьемъ
Себя напомнить угрызеньемъ.
Напрасно стали-бъ мы скрывать
Взаимно на сердцѣ страданье:
Нашъ образъ собственный питать
Въ насъ будетъ это истязанье.
Нѣтъ, бѣдный другъ мой, нѣтъ, теперь
Разлука, смерть не такъ ужасны,
Какъ этой пытки ежечасной
Терзанья вѣчныя; повѣрь.
И такъ разстанемся; забвенье
Для насъ единственный бальзамъ,
Единый путь, который намъ
Судьбой оставленъ къ примиренью
Съ убитой жизнію.—Шутя,
Они ее убили, Боже!—
И ты, несчастное дитя,
И ты забыть старайся тоже,
Забудь скорѣй. Теперь пойдемъ—
Я провожу тебя къ воротамъ,
Чтобъ не обидѣлъ кто путемъ...
Нѣтъ, погоди...Еще я что-то
Хотѣлъ сказать. О чемъ бишь?...Да,
Вотъ видишь: мало-ль иногда

Что можетъ быть! Здѣсь все невѣрно.
Ты такъ довѣрчива, добра,
Такъ простодушно-легковѣрна,—
Богъ знаетъ, неравна пора,
(Я такъ желалъ бы ошибиться,
Но въ жизни можетъ все случиться.)
Такъ слушай: ежели-бъ когда
Тебѣ понадобилось друга,
Защита, кровная услуга
Была-бъ нужна,—смотри, тогда
Ты не зови другихъ, не надо:
Тебѣ другіе не ограда,
Ты это будешь знать сама.
Несчастье, видишь, какъ чума:
Его бѣгутъ, боятся люди;
И голосъ скорбныхъ рѣдко имъ
Проникнетъ въ каменныя груди
И тронетъ бѣдствіемъ чужимъ.
Нѣтъ, не ищи у нихъ участя;
Но ради прежней хоть любви,
Но ради сгибнувшаго счастья
Тогда меня ты позови...
Меня лишь кликни... Нѣту нужды,
Что въ это время, можетъ быть,
Тебя не буду я любить,
Что будемъ мы другъ другу чужды.
Съ судьбой въ ладу иль не въ ладу,
Я зовъ услышу и приду,
И заступлюся, и не выдамъ
Тебя на жертву злымъ обидамъ,

Утѣшу въ горѣ, помогу
Чѣмъ только въ силахъ, чѣмъ могу.
Такъ помни-жь это, ради Бога,
И не стѣсняйся,—вѣдь потомъ
Мы снова, всякъ своей дорогой,
Другъ другу чуждые, пойдемъ...»

Безъ слезъ, безъ словъ и безъ движенья,
Какъ будто мраморъ гробовой,
Въ болѣзненномъ оцѣпенѣньи,
Она внимала рѣчи той.
И были въ ней заклятій чары:
Стучали страшныя слова
Ей въ слухъ, какъ молота удары,
Отъ нихъ кружилась голова,
Разсудокъ приходилъ въ смущенье,
И оставалось ей темно
Ихъ безнадежное значенье.
Въ нихъ поняла одно,
Разобрала чутьемъ сердечнымъ,
Что то не пени, не укоръ,
Что это былъ ея конечный
Душевно-смертный приговоръ.
Одно ей сдѣлалось понятно
Въ той рѣчи грустной, что она
Безжалостно и невозвратно
И имъ, и имъ осуждена!
И эта мысль въ ея сознанье
Впилась, и въ немъ росла, росла
Невыразимымъ истязаньемъ,
Бросала въ дрожь и снова жгла,

Давила сердце больно, больно,
И въ чувствѣ боли той невольно
Въ душѣ такъ долго сжатый стонъ
Вдругъ вырвался—и замеръ онъ,
Какъ звукъ порвавшейся струны.
Онъ душу, сердце, разумъ, совѣсть,
Какъ страшная чемъ-то повѣсть,
Вдругъ потрясалъ до глубины;
И кто-бъ тотъ стонъ слышалъ, люди,
Короткій, острый и глухой,
Тотъ поклялся бы, что другой
Подобный стонъ, изъ той же груди,
Уже не вывется; что онъ
Могъ быть предсмертный только стонъ,
Послѣдній вопль души убитой.
Онъ тѣмъ, кто слышалъ, какъ кинжалъ
Глубоко въ сердце проникалъ
Какой-то болью ядовитой,
И долго слышался потомъ
Онъ имъ въ безмолвіи ночномъ.

Какъ электрической струею
Потрясъ Василья этотъ стонъ.
Предъ этой горестью святою
Онъ угадалъ, постигнулъ онъ,
Что тутъ безплодно утѣшенье;
Какое бъ ни было: оно
Предъ нею будетъ оскорбленье,
Или жестоко, иль смѣшно.
И хотъ страдалъ ея страданьемъ,
Хотъ жалость раздирала грудь,

Себя обрекъ онъ на молчанье,
Не смѣя на нее взглянуть.
Но кризисъ былъ недологъ. Скоро
Себя осилила она,
И безъ мольбы, и безъ укора,
Какъ смерть, спокойна, холодна,
Приподнялася со скамейки
И оба тихо по аллеяѣ
Они пошли изъ парка вонъ, —
Она въ безчувствіи, а онъ
Подавленъ, смятъ борьбой жестокой,
Любви и гордости борьбой,
То каясь горько и глубоко
Во побѣдѣ страшной надъ собой,
То вновь съ болѣзненной отрадой
Гордяся ею. Между тѣмъ
Они ужъ были за оградой
И шли; но какъ, куда, зачѣмъ?
Не думая, не замѣчая,
Что не туда должно идти,
Пока извозникъ, обгоняя,
Ихъ пробудилъ своимъ: «свезти?»
Они очнулись.

Ужъ ложился
Вечерній сумракъ, день бѣжалъ.
Извозникъ къ счастью случился,
Его Василій подозвалъ.
Подавленъ горемъ, молчаливо
Онъ подалъ руку ей. Она
Впрыгнула въ дрожки торопливо,

Какъ ликъ усопшаго блѣдна.
Когда-жъ, предвѣстіемъ движенья,
Прошло по дрожкамъ сотрясенье,
Обычное машинѣ той,
И конь далѣко неретиво
Сбираясь тронуться, лѣниво
Махнулъ косматой головой,
Какъ будто тѣмъ противъ насилья
Бѣднякъ хотѣлъ протестовать,
Тогда сознанье, что Василья
Ей никогда ужъ не видать,
Проснулась въ сердцѣ Ольги снова;
И этой мыслью лишь полна,—
И судъ безжалостно-суровый,
И приговоръ его, она
Забыла все, кромѣ разлуки
И отчужденья своего,—
И съ чувствомъ неисходной муки
Она взглянула на него;
Но вся душа ея, казалось,
Переселилась въ этотъ взоръ...
Въ немъ не молитва отражалась,
Не зовъ пощады, не укоръ;
Въ немъ было столько сожалѣнья,
Любви и нѣжности святой,
И безграничнаго прощенья,
И безнадежности нѣмой;
Въ немъ было столько смертной боли
Неисцѣлимой, вѣковой,
Что, какъ преступникъ, по неволѣ

Предъ нимъ поникъ онъ головой.
Когда же дрожки застучали,
И чей-то голосъ, полный слезъ,
Какъ пѣснь разлики и печали,
«Прощай!.... Будь счастливъ!» произнесъ;
Онъ чуть за ними не помчался
Едва не вскрикнулъ имъ: «постой!»
Но разъ еще порывъ святой
Онъ подавилъ и воздержался,
Хоть видно было по всему,
Что это стоило ему
Усилья страшнаго, и онъ
Былъ имъ буквально истощенъ.

Почти безъ памяти, безъ силы,
Онъ прислонился о заборъ,
А страшно напряженный взоръ
Впился всей мощью въ обликъ милый,
За нимъ гнался, за нимъ бѣжалъ.
Ужъ тотъ давно въ дали пропалъ;
А онъ, какъ будто бы статуя,
На томъ же мѣстѣ все стоялъ,
Стоялъ, не двигаясь, не чуя,
Какъ накипала на глаза
Мужская, жгучая слеза.

Давно на улицѣ пустынной
Уже утихло все кругомъ,
И лишь въ безмолвіи nocturno
Шумѣлъ порою пѣсь безчинный
И замолкалъ опять, когда
Очнулся наконецъ Василій

И послѣ тягостныхъ усилій
Побрелъ, невѣдая куда.
«Такъ было должно! Долгъ суровый
Исполненъ!» Грустно онъ сказалъ.
Подслушалъ дьяволъ это слово,
И весело захохоталъ...

—
Скажите мнѣ люди, скажите вы мнѣ,
Въ какой благодатной, святой сторонѣ,
Въ какомъ это чудномъ, невѣдомомъ краѣ
Бѣднякъ-человѣкъ самъ себя не терзаетъ?
Гдѣ дикая—гордость не гложетъ сердца,
Гдѣ люди не мучатъ себя безъ конца,
Съ какимъ то нелѣпымъ, но страшнымъ искус-
ствомъ,
Гдѣ въ жертву и душу, и сердце, и чувство,
И счастье нерѣдко всей жизни своей
Они не приносятъ, съ безсмысломъ дѣтей,
Слѣпыхъ предразсудковъ свирѣпому богу,
Какъ древле невинныхъ младенцевъ Мологу,
Гдѣ все что имъ мило по волѣ губя,
Въ угоду ему не бичуютъ себя?...

Скажите мнѣ люди, скажите вы мнѣ,
Въ какой благодатной, святой сторонѣ,
Въ какомъ это чудномъ, невѣдомомъ краѣ
Несуэто милость въ сердцахъ обитаетъ?
Гдѣ падшаго брата нестыдно поднять,
Гдѣ тѣмъ не боятся себя замарать,
Гдѣ камень не бросать въ него осужденія,

На вопль покаянья, на кличъ о спасеньи,
Гдѣ тонущимъ руку спѣшать протянуть
Не съ тѣмъ, чтобы въ бездну ихъ глубже столк-
нуть,
Гдѣ блуднаго сына возвратъ не проклятьемъ,
Но теплымъ прощенья встрѣчаютъ объятьемъ
И грѣшнику руку протянетъ отецъ,
И блуднаго ждетъ примиренья телецъ?..

XI.

За Ольгой въ поискахъ, напрасно
Измучивъ только лошадей,
Баронъ, разгнѣванный ужасно,
Спѣшилъ вернуться поскорѣй,
Въ душѣ еще надѣясь смутно
Ее у матери найти,
И озираясь поминутно,
Чтобъ не разбѣхаться въ пути.
Но Ольги не было. Въ гостинной
Сидѣла Савишна одна
И въ гранъ-пассьянсѣ какой то длинный
Казалась вся погружена.

«Ну что, баронъ, не отыскали?»

Она спросила у него.

«А я, пока вы разѣзжали,
Отъ картъ добилаcя всего.

Оно конечно вышло скверно,
Но все жъ по крайности навѣрно
Теперь мы знаемъ, гдѣ она.

Она, баронъ, похищена!

Ее, вотъ видите-ль, куда-то
Увезъ и кроетъ отъ людей,
Какой то воръ, король червей,
Стромиловъ должно быть проклятый.

Вѣдь кромѣ гнуснаго, его—

Я берегла ее не бойтесь —

Она не знала никого;

Но вы о томъ не безпокойтесь.

По картамъ вышло, что она,
Хотя быть можетъ и не скоро,

Но не останется у вора

И будетъ намъ возвращена.

А если бъ что межъ нихъ и было;—

Ну молоды, немудрено;

Она жъ его притомъ любила—

Такъ вѣдь теперь ужъ все равно;

Другое дѣло бы дѣвица,

Но разъ ужъ выпущена птица....»

Баронъ не могъ въ себя придти,
Окаменѣлъ отъ удивленья.

Высокихъ чувствъ онъ безъ сомнѣнья

Не думалъ въ Савишнѣ найти.

Поклонникъ самъ матерьялизма

Не вѣрилъ нравовъ чистотѣ,
На столь безстыднаго цинизма
Онъ не встрѣчалъ еще нигдѣ
Досель средъ женщинъ, и ему
Отдать въ томъ должно справедливость,
Хоть и за позднюю стыдливость,
Вдругъ стало гадко самому
И совѣстно до отвращенья
Свое съ старухою сближенъе,
Свое сообщничества съ ней.

Какъ разгадать сердца людей?
Какъ истины у нихъ дознаться?
Не чаще ль, надобно признаться,
Порокъ намъ гадокъ не своимъ
Съ добромъ и правдой разногласьемъ,
Но лишь наружнымъ безобразьемъ
Онъ поражаетъ насъ? и съ нимъ
Тогда лишь стыдно намъ сходиться,
Когда дерзнетъ онъ вдругъ явиться
Предъ нами явно, наголо;
Но если все на немъ пристойно,
Изящно, чисто и свѣтло,
Тогда дружимся съ нимъ спокойно
И, забывая гнусность въ немъ,
Проступки шалостью зовемъ.
Не такъ ли въ свѣтѣ, негодяю
Вездѣ привѣтъ, вездѣ почетъ,
Хоть всѣ давно отлично знаютъ,
Что онъ безстыдный труболетъ;
Что онъ воровъ съ большой дороги

*

Въ продѣлкахъ за поясъ заткнетъ,
Что мѣсто въ ссылкѣ иль въ острогѣ
Его давнымъ давно ужъ ждетъ,
Что онъ игрокъ и плутъ безчестный,
Что нѣтъ святаго для него;
И это все и всемъ извѣстно;
А между тѣмъ, вездѣ его
Честятъ, ласкаютъ оттого,
Что этотъ новый Загорѣцкій
Богатый баринъ, ловкій, свѣтскій,
Что съ нимъ въ родствѣ иль дружбѣ знать,
Что плутни онъ ведетъ прилично,
Что онъ одѣтъ всегда отлично,
Что можно у него занять.
Притомъ же онъ чудесный малый,
Вивёръ, умѣетъ словно жить,
Устроить праздникъ, угостить,
Кутнуть съ друзьями напрополой
А въ остальномъ, кому жъ нужда,
Кто какъ бы ни жилъ, господа?...
Другое дѣло, при народѣ
Чудакъ, одѣтый не по модѣ,
Пріятель, вздумаетъ пристать;
Такого можно не узнать,
Онъ можетъ насъ..; но отступленье
Вамъ надоѣло безъ сомнѣнья,
Притомъ же это все давно
Сто разъ ужъ вамъ говорено.
И безъ того уже не въ духѣ,
Съ утра растроенный, баронъ

Такою наглостью старухи
Былъ окончательно всбѣшенъ.
И въ комъ дастало-бъ хладнокровья,
Кто-бъ это вытерпѣлъ, простилъ?..
Хотя и грязною любовью;
Но страстно Ольгу онъ любилъ.
Любилъ по своему, конечно,
Я не могу сказать сердечно,
Едва-ли сердце было въ немъ;
Любилъ, какъ любить гастрономъ
Роскошный столъ, до объяденья,
Какъ любить стерлядь, трюфли, дичь,
Любилъ ее для наслажденья;
И чтобы этого достигъ,
Добиться обладанья ею
Сорилъ онъ деньги, не жалѣя.
И вотъ, въ одинъ прекрасный день,
Едва успѣлъ достигъ онъ цѣли,
Она исчезла словно тѣнь,
Труды все прахомъ полетѣли,
Кто жъ тутъ не сбѣсится?.... а мать,
Какъ будто ей нѣтъ вовсе дѣла,
Ему спокойно, дерзко, смѣло
Совѣтуетъ пообождать.
Въ немъ зародилось подозрѣнье
Что это вымыселъ пустой,
Что и побѣгъ, и похищенье
Все штуки Савишны самой.
И убѣдивъ себя, что точно
Отъ ней вся эта кутерьма,

Что всю комедию нарочно
Она устроила сама,
Боронъ безъ дальнихъ доказательствъ,
Во всемъ вина одну ее,
Градъ и укоровъ, и ругалельствъ
Вспыливъ, обрушилъ на нее.
Въ порывѣ гнѣва и досады,
Онъ расшумѣлся безъ пощады;
Но Марѳа Савишна была
Неробкаго десятка дама;
И, атакованная, прямо
Сама врагу на встрѣчу шла,
Сама отважно нападала,
Не давъ ему договорить,
Держася мудраго начала:
Врага во чтобы то ни стало
Перекричать и оглушить.
Моневръ давно уже извѣстный;
Но тѣмъ не менѣе, порой,
И не для Савишны одной
Еще весьма, весьма полезный.
И часто видимъ мы, увы!
Чтобы успѣть, чтобъ выйти въ люди,
Прослыть чемъ хочешь у молвы,
Ненужно сильной головы, —
Довольно сильной только груди.
Да, въ свѣтѣ точно благодать
Умѣнье всѣхъ перекричать,
На все имѣть отвѣтъ готовый,
О всемъ судить, рядить равно;

И свойство дара слова
Постигла Савишна давно.

И вотъ, съ подобною то дамой
Баронъ схватился сгоряча.
Какъ конь брыкливый и упрямый,
Заслышавъ рѣзкій свистъ бича,
Сорвалось Савишна проворно,
Швырнули картами задарно,
Изчезъ ее безстрастный видъ
И запылали гнѣвно взоры.
Его угрозы, брань, укоры
Принявъ безтрепетно на щитъ,
Она пошла, задрезжала,
Вопила, плакала, кричала,
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ,
Шумѣлъ потокъ несвязныхъ словъ.
Богъ вѣсть чѣмъ сватка-бъ разразилась:
Коса на-камень здѣсь нашла;
Но дверь вдругъ тихо отворилась
И Ольга блѣдная вошла.
«Гдѣ ты негодная была?
Гдѣ, у кого ты пропадала? ...»
Такъ разбѣшенная, въ сердцахъ.
Старуха злобная вскричала,
Завидя дочь свою въ дверяхъ.
«Но подожди, постой, голубка,
Я розочтусь ужо съ тобой....»
Баронъ довольный что покупка
Его нашлась сама собой,
Оставя споръ свой неприличный,

На встрѣчу Ольгѣ поспѣшилъ
И съ ней, шутя, заговорилъ
Съ своей любезностью обычной.
Онъ думалъ тѣмъ смягчать для ней
Старухи злобной рѣзкость тона;
Но ни любезности барона,
Ни брани матери своей,
Казалось, Ольга не слыхала;
Страданьемъ вся поглащена,
Сознанье внѣшняго она,
Казалось, вовсе потеряла.
Какъ въ забытѣ, она прошла
Чрезъ залъ и, шляпку не снимая,
Безмолвно сѣла у окна.
«Что жъ ты усѣлась какъ шальная?»
Мегера снова начала.
Гдѣ ты таскалась! гдѣ была?...
Ну говори, не запинаясь,
Сейчасъ, негодная, признайся!
Ну что жъ? ты будешь говорить?.. »
Грозой подобныхъ убѣжденій
Въ надеждѣ Ольгу отучить
Впередъ всякихъ походовъ,
Баронъ въ душѣ былъ очень радъ
Подвергнуть бѣдную нагонкѣ;
Но, какъ искусный дипломатъ,
Хотѣлъ остаться самъ въ сторонкѣ
И даже Олѣ показать,
Что онъ, хоть и обиженъ ею;
Но ссорится не хочетъ съ нею,

А радъ напротивъ защищать.

«Ну Марѳа, Савишна, довольно.»

Сказалъ онъ. «Будетъ вамъ бранить;

Мнѣ право слушать это больно.

Къ чему такъ Олечку журить?

Смотрите, бѣдная она,

И безъ того огорчена.»

— «Да нѣтъ ужъ, батюшка, позвольте,

Потачки нечего давать;

Вы тамъ ее пожалуй хольте,

А я обязала сказать;

На то я, батюшки, ей мать.

По милости подобныхъ франтовъ,

Я слушать больше не хочу

Отъ васъ, какъ дивичъ, репримантовъ;

Ее я сразу отучу.

И ты, ужъ какъ себѣ ни бейся,

А у меня про это знай,

И на борона не надѣйся;

Ну что молчишь то?—отвѣчай?...»

Есть въ свѣтѣ милыя созданья,

Имъ недовольно сдѣлать зло,

Имъ нужно видѣть какъ прожгло

Оно вамъ душу. Ихъ молчанье,

Невозмутимый жертвы видъ

Приводитъ въ бѣшинство, томить;

Для нихъ страданій жертвы мало,

Имъ нужно чтобъ она кричала;

Имъ нужно слезы, нужень стонъ,

Мольбы и плачь, и униженье;

Вопль о пащадѣ имъ смѣшенъ,
Покорность—жертвѣ не спасенье;
Такою диллетанткой зла
И Марѳа Савишна была.
Она на дочери несчастной
Хотѣла вымостить свой гнѣвъ,
Когда же, въ этомъ не успѣвъ,
Увидѣла, что трудъ напрасный
Желанной цѣли не достигъ,
Когда на брань ее и крикъ
Отвѣта не было, упорнымъ
Ее молчаньемъ всбѣшена,
Сорвалась Савишна задорно
И къ Ольгѣ бросилась она....
Баронъ успѣлъ схватить тигрицу
По счастью во время еще,
И занесенная дѣсница
Упала Ольгѣ на плечо.
Отъ этого прикосновенья
Всѣмъ тѣломъ вздрогнула она,
И чувствомъ гордымъ отвращенья
Какъ будто вдругъ пробуждена,
Вскочила Ольга съ содраганьемъ,
Всѣмъ тѣломъ подалась назадъ
И вспыхнулъ вдругъ негодованьемъ
Ее открытый, кроткій взглядъ.
Онъ бросилъ молнію презрѣнья
И въ рѣчи, бурной отъ волненья,
Какъ горный, бѣшенный потокъ,
Слилося все въ одинъ упрекъ.

Все, все что на сердцѣ лежало,
Что накопилося въ груди:
«Прочь женщина!» она вскричала,
Не прикасайся, отойди!
Уйди! я продана тобою;
Уйди, оставь меня, оставь!
Я продана, и надо мною
Ты не имѣешь больше правъ.
Ты ихъ сама себя лишила
И связь межъ насъ разорвала:
Ты душу дочери убила,
А трупъ разврату продала!
Чего жъ еще? иль мало, худо
Тебѣ сообщникъ заплатилъ?...
Утѣшься;—за Христа Іуда
Далеко меньше получишь!....»

Но этотъ гнѣва взрывъ мятежный
Бѣдняжку Ольгу истощилъ;
Ея натурѣ кроткой, нѣжной
Подобный взрывъ былъ выше силъ.
Румянецъ яркій раздраженья,
Мгновенно вспыхнувшій, поблекъ;
И, какъ подкошенный цвѣтокъ,
Она на стулъ въ изнеможеньи
Склонилась, лице закрывъ;
Но дочери нежданный взрывъ
Остолбенилъ старуху злую.
Пусть это-бъ ктонибудь другой
Такъ вызвалъ Савишну на бой,—
Обиду кровную такую

Не подарила бы она
И разсчиталась бы сполна
Въ прилично сильныхъ выраженьяхъ
За недостатокъ уваженья,
И послѣ сбѣгала бы въ часть
Съ формальной просьбой на напасть,
Проявляя взысканья за безчестье
И объяснивъ, что имя рекъ
Давно къ ней буйственной мостью
Вездѣ извѣстный человѣкъ,
Нанесъ ей кровную остуду,
Сравнивъ съ чиновницей Іуду,
И даже смертью угрожалъ,
Притомъ квартальнаго ругалъ.
Но безотвѣтная дѣвчонка,
Которую до этихъ поръ
Она считала за ребенка
И просто драла за вихоръ,
Но дочь ее, но Ольга эта,
Имѣнье, собственность ее.
Возстать дерзнула на нее!...
О нѣтъ, и преставленье свѣта,
Когда-бъ въ тотъ мигъ произошло,
Ее-бъ сразить такъ не могло.
Она смутилась, потерялась,
Забыла даже отвѣчать
И, молча, глупо озиралась,
Не зная что и какъ начать.
Такъ если по небу порою,
Уже чреватая гразою,

Свинцовой, темной пеленой
Наляжетъ туча надъ землею,
И бурю явно предвѣщая,
Насъ къ ней готовить, и потомъ
Промчится молнія, блистая,
И вслѣдъ за нею грянетъ громъ,
Онъ не пугаетъ насъ нисколько;
Спѣшимъ укрыться мы, и только,
И, пріюта, спокойно ждемъ,
Чтобы гроза прошла дождемъ.
Но если вдругъ ударитъ буря
Изъ за безоблачной лазури,
Она неожиданностью своей
Приводитъ насъ въ оцѣпенѣнье,
И полны страха и томленья,
Теряемся и передъ ней,
Пришелицей надзвѣздной дали,
Стоимъ мы въ прахъ поражены,
И чѣмъ ее мы меньше ждали,
Тѣмъ болѣе уstraшены

Молчанье тяжкое настало.

Оторопѣлый дипломатъ
Хоть провалиться былъ бы радъ
На этотъ мигъ; но Ольга встала,
Горда, спокойна, холодна,
Безъ робости и безъ смущенья,
Къ барону подошла она
И молвила ему, полна
Невыразимаго презрѣнья:
«Поступокъ вашъ — безчестенъ онъ.

Вы подлость сдѣлали, баронъ;
Но о быломъ теперь ни слова.
Намъ нужно ѣхать, я готова.
Теперь я ваша: вы меня
У этой женщины купили;
Пусть будетъ такъ; вы заплатили;
Но съ тѣмъ, чтобъ съ нынѣшняго дня,
Чтобъ съ этой самой же минуты
Мы съ ней разстались навсегда,
Чтобъ этой матери Іуды
Я не встрѣчала никогда.»
— «Но успокойтесь, ради Бога,
Къ чѣму же это говорить?
Я бъ такъ желалъ, чтобъ хоть немного
Меня могли вы полюбить....»
— «Любовь, баронъ, не ваше дѣло;
Но вы мое купили тѣло;—
Оно вамъ выплатить должно,
Что за него заплочено.
Ну что-же? что-же вы стоите?...
Иль я просить еще должна?....»
— «Отцы мои!.... Баронъ! взгляните,
Никакъ помѣшана она?....»
Вскричала Савишна на это,
Не вѣря собственнымъ ушамъ;
Но Ольга шла уже къ дверямъ,
Не дождаяся отвѣта.
Баронъ за нею поспѣшилъ.
«Куда-жъ, куда вы? онъ просилъ,
Ну не хотите здѣсь остаться,

Я съ вами ѣду, я готовъ;
Но для чего изъ пустяковъ,
Къ чѣму такъ сильно огорчаться?...
Я васъ такъ, Олинька, люблю,
Я все отдамъ за вашу ласку,
Хотите, ангелъ мой, куплю
Я вамъ такую же коляску,
Какъ Эммы?.. помните?... и въ ней
Такихъ же сѣренъкихъ коней?...
Ну что жъ, довольны вы, скажите,
Шалунья злая?....» — «О! поймите,
Баронъ, я съ вами не шучу.
Вы слышите: я знать хочу, —
Прошу васъ бросить тонъ и кошачій, —
Хотите вы иль нѣтъ принять
Мое условіе? — иначе,
Ужъ если нужно пропадать,
Одна уйду я съ этой дачи.
Теперь мнѣ все равно гдѣ быть:
Въ рабочемъ домѣ иль служанкой,
Съ сумой ли по міру ходить,
Или работать за лоханкой,
Лишь только бы невмѣстѣ съ ней,
Убійцей дочери своей....» —
Она ушла. Зоронъ покорно
За нею бросился проворно,
И сражена, удивлена,
Осталась Савишна одна.

XIII.

Скаидалъ въ солонахъ полусвѣта;
Со сцены радужной его,
Какъ духъ иль фея средь балета,
Негаданно ни для кого,
И всѣхъ повергнувъ въ изумленье,
Ея исчезло украшенье,
Померкла лучшая звѣзда,—
Пропала Ольга безъ слѣда!
Куда жъ такъ вдругъ она дѣвалась?—
Никто не зналъ. Еще вчера
Она по невскому каталась,
Была у Тацки, у Дора,
По старымъ счетамъ заплатила
И заказала что то вновь,
Потомъ у Сима накупила
Растеній всякихъ и цвѣтовъ;
А вечеромъ кружокъ привычной
Къ ней съѣхался, какъ и всегда.
(Въ ту зиму день ея обычный,
Пріемный день былъ среда)
Въ гостиной очень было тѣсно.
На этотъ разъ, какъ на смѣхъ, къ ней
Собралось множество гостей.
И какъ была она прелестна,
И какъ казалась весела,
Какъ восхитительно одѣта;

Шутя, какого-то корнета
Она совсѣмъ съ ума свела.
Всю ночь смѣялась, танцевала
Хвалила Тани фермуаръ,
И длинной Бертѣ общала
Съ ней завтра ѣхать къ Изомбаръ:
Взглянуть на шляпки въ новомъ родѣ,
По нынѣшней послѣдней модѣ;
И вотъ, сегодня утромъ, вдругъ,
Весь demi-monde встревожилъ слухъ
И озадачилъ чрезвычайно,
Что Ольга, не простясь ни съ кѣмъ,
Изъ города куда-то тайно
Уѣхала, притомъ совсѣмъ,
Оставивъ только на прощанье
Записку, въ родѣ завѣщанья,
Гдѣ, къ удивленью этихъ дамъ,
Она отъѣздъ свой объявляла
И, не сказавъ куда, друзьямъ
Всего хорошаго желала;
И каждой изъ подругъ своихъ,
Прощаясь, что нибудь дарила
И въ заключеніе всѣхъ ихъ
Скорѣй забыть себя просила.

И вотъ пошелъ вездѣ садомъ:
По будуарамъ полусвѣта
Лишь только рѣчи, что про это,
Отвсюду посланные въ домъ,
Въ которомъ Ольга проживала,
Стремглавъ бѣгутъ, летятъ, спѣшатъ.

Богиня каждая послала
Своихъ поклонниковъ весь штатъ,
Узнать на мѣстѣ, какъ, что было,
Куда, съ кѣмъ Ольга укатила?
И поспѣшить скорѣй принести
Самовѣрнѣйшую ей вѣсть.
Лакеи, горничныя, душки
Все пущены на побѣгушки;
Послѣднихъ можетъ никогда
Не ожидали возвращенья
Въ такомъ свирѣпомъ нетерпѣньи
Ихъ Дульцинеи, какъ тогда.
Отъ ожиданія иная,
Совсѣмъ до спазмовъ истомясь,
Тюленемъ душу обзывая,
Сама развѣдать унеслась.
Не помня нечего на свѣтѣ,
Въ ночномъ умчалась туалетѣ:
Въ чепцѣ, въ капотѣ и въ туфляхъ,
Забывъ одѣться въ попыхахъ.
Межъ тѣмъ идутъ повсюду толки,
Догадки, сплетни, всякій вздоръ,
Порою рѣзкій приговоръ,
Порой намекъ и злой, и колкій,
И сотни подняты причинъ
Для разъясненія скандала:
Тамъ чуть не божится одинъ,
Что Ольга отъ долговъ бѣжала;
Здѣсь сообщали: что она
Была въ лакея влюблена.

Съ нимъ обвѣчалась тайно гдѣ-то,
И своего стыдась валета,
Его куда то увезла.
А тутъ на напративъ утверждали,
Что Ольга въ монастырь пошла,
Что въ ней давно ужъ замѣчали
Наклонность къ этому. Межъ тѣмъ,
О всемъ развѣдавъ акуратно,
Гонцы пріѣхали обратно
И доложили, что совсѣмъ
Изъ дома Ольга не бѣжала,
Что вовсе не было скандала
Ни при отъѣздѣ, ни потомъ;
И обошлось все прилично;
Что Ольга всѣ дѣла притомъ
Устроила весьма практично:
Долги сполна всѣ отдала,
И все чѣмъ только ни владѣла
Зараней частью продала,
А часть друзьямъ раздать велѣла
И щедро одаривъ людей,
Простилась съ дворнею своею,
Потомъ отправилась спокойно;
И что страннѣй всего, она,
Хоть это даже непристойно,
Уѣхала совсѣмъ одна;
Но, сколько видѣть можно было,
Отнюдь не въ монастырь спѣшила.
И такъ изъ рапорта сего,
Какъ ни были всѣ эти дамы

Въ желаньи разузнать упрямы,
Не объяснилось ничего.
И Олинъки отъѣздъ нечаянный
Попрежнему остался тайной,
Попрежнему никто не зналъ
Куда, зачѣмъ она пропала,
И *demi monde* сперва немало
О бѣгствѣ Ольги толковалъ.
Недѣли двѣ вездѣ болтали,
Потомъ, какъ водится, устали,
Еще недѣля—и никто
Не вспоминалъ уже про то.

Куда жъ однако, въ самомъ дѣлѣ,
Пропала Ольга, и зачѣмъ
Она уѣхала и съ кѣмъ?
Все это можетъ быть хотѣли
И вы бѣ узнать, читатель мой,
Чтобъ объяснить себѣ такой
Поссажъ ни съ чѣмъ несообразный:
Увезъ ли точно кто ее,
Иль надоѣло ей житье
Лоретки разгульной и праздной;
И вдругъ, раскаянья полна,
Отъ міра скрылася она?
Конечно, говоря межъ нами,
Что бѣ васъ напрасно не томить,
Я могъ бы вамъ двумя словами
Все это тотчасъ объяснить
И положить конецъ роману,
Но что жъ тогда я дѣлать стану

Съ моей послѣднею главой?
Ее задумалъ я широко
И было бѣ очень ужъ жестоко
Отъ свѣта скрыть chef d'œuvre такой.

И такъ, читатель другъ, терпѣнья
Еще немного надо взять;
Пока же, въ видѣ утѣшенья,
Могу одно тебѣ сказать,
Чтобы душа твоя не ныла:
Однажды какъ то....это было,
Такъ за два мѣсяца предъ тѣмъ, —
Куда то Ольга собиралась,
Какъ вдругъ субретка къ ней вошла
И на подносѣ подала
Письмо; и Ольга вдругъ осталась,
Купе велѣла отпрягать
И никакого не принимать.
Но отпустивъ свою субретку.
Она упала на кушетку,
И наблюдатель безъ труда,
Замѣтилъ вѣрно бы тогда
Ее тревогу и волненье;
Онъ подглядѣлъ бы безъ сомнѣнья,
Что, получивъ письмо, она,
Едва на подпись посмотрѣла,
Какъ вся мгновенно покраснѣла;
Затѣмъ, оставшись одна,
Она трепещущей рукою
Конвертъ проворно сорвала
И, поблѣднѣвъ какъ смерть, прочла

Письмо; и я отъ васъ не скрою,
Что было въ томъ письмѣ, оно
Гласило только: «Рѣшено!

«Прощай на этотъ разъ навѣчно.

«Иду далеко я; туда,

«Гдѣ намъ съ тобой уже конечно

«Не повстрѣчатся никогда.

«Позволь же мнѣ хоть упованье

«Въ далекій край тотъ унести,

«Что ты когда нибудь страданья

«Свои отпустишь мнѣ.—Прости!»

Письмо узъ руть ея упало.

Какъ громомъ вдругъ поражена,

Подперши голову, она

Сначала горько зарыдала

И долго, долго надъ письмомъ

Она проплакала, потомъ,

Какъ будто вдругъ какая сила

Ее внезапно осѣнила,

Какъ будто вдругъ на что рѣшась,

Съ кушетки Ольга поднялась,

Полна какой то сладкой грёзы,

И улыбаясь сквозь слезы,

Она промолвила:» опять

Неправъ, неправъ ты. Не понять

Тебѣ, какъ видно, бѣдной Оли.

Я не была тебѣ нужна

Въ то время...но теперь....въ неволѣ....

Иное дѣло...» и она

Сонетку дернула проворно.

И на лицѣ ея тогда
Еще недавней думы черной
Не сохранилось и слѣда.
Она спокойно приказала
Послать за маклеромъ тотчасъ,
И, запершись, цѣлый часъ
О чемъ то много толковала
Наединѣ со старикомъ;
Когда же вышла съ нимъ потомъ,
Добрякъ растроганъ былъ замѣтно;
Она жъ, прощаясь съ нимъ привѣтно,
Ему шепнула у дверей,
Съ улыбкой чудною своей:
«Мой добрый другъ, еще, простите,
Прошу васъ очень, поспѣшите
Устроить это все скорѣй.....»

И не жаль ей тогда
Книг и картин, думь и слез,
Но боялись и слез,
Она сказала и сказала
Послать за матерью той,
И, зная, что мать ее
О том, что было то время,
Насилие со стороны
Видя же, что мать ее
Подарит, подарит ей
Она же, подарит ей
Есть и была в том
От удивления своем
Моя любовь, да, да,
Прощай, прощай, прощай
Заставит все свое

COSSANA

THE

REPUBLICAN PARTY OF CALIFORNIA

FOR THE YEAR 1900

OF THE

REPUBLICAN PARTY OF CALIFORNIA

OF THE

REPUBLICAN PARTY OF CALIFORNIA

OF THE

REPUBLICAN PARTY OF CALIFORNIA

OF THE

REPUBLICAN PARTY OF CALIFORNIA

OF THE

REPUBLICAN PARTY OF CALIFORNIA

OF THE

REPUBLICAN PARTY OF CALIFORNIA

OF THE

REPUBLICAN PARTY OF CALIFORNIA

OF THE

REPUBLICAN PARTY OF CALIFORNIA

OF THE

REPUBLICAN PARTY OF CALIFORNIA

OF THE

СОСѢДКА.

или

СЕРДЕЧНЫЯ ТРЕВОЛНЕНІЯ КОРНЕТА.

1

Даль во мглѣ тумана,
Сыро, холодно;
По часамъ и рано,
А уже темно.
Словно какъ украдкой
Выглянетъ денёкъ,
Грязный, сѣрый, гадкій,
Дѣ и на утёкъ.
Солнце будто злится:
Скрылось, не глядитъ;
Небо какъ тряпица
Грязная виситъ.
Слякоть на плотинѣ,
По дорогѣ грязь;
Вонъ какъ по лоцинѣ
Рѣчка разлилась!
Словно какъ изъ сита
Дождикъ моросить;
Съ вѣтромъ садъ сердито
Что то говорить.

Голыя деревья
Жалобно скрипятъ;
Къ югу, на кочевья
Аисты летятъ.
Ну, уже погодка!
Нечего сказать;
Врядъ-кого охотка
Вызоветъ гулять.
Право, и Валетки
Выгнать не рѣшусь,
А вотъ самъ къ сосѣдкѣ
Вѣрно потащусь.
И за чѣмъ? спроси-ка;
Врядъ ли знаю самъ!
Право, это дико—
Рыскать по гостямъ
Въ такую пору.
Чай, поди, теперь,
Не покинетъ нору
И голодный звѣрь.
Ѣхать, въ грязь и стужу
Двадцать верстъ сполна,
Чтобъ взглянуть какъ мужу
Ластится она.
Просто, вотъ нарочно,
Чтобы подразнить;
Вотъ, ей Богу, точно
Хочетъ соблазнить.
Ну въ глаза смѣется,
Даже злость беретъ;

А вѣдь все нейметсѣ,
Все туда влечетъ,
Хоть бы на часочекъ,
Только-бъ увидать,
Только-бъ голосочекъ
Милый услыхать.
Какъ онъ тамъ щебечетъ,
Какъ онъ мнѣ въ отвѣтъ
Сладко пролепечетъ
Ласковый привѣтъ,
Какъ она головкой
Дружески кивнетъ,
Какъ порой плутовка
Руку мнѣ пожметъ,
«Васъ совсѣмъ не видно»,
Вымолвить опять,
«Какъ же вамъ не стыдно
«Рѣдко такъ бывать?»
Я бываю рѣдко?...
Вотъ она! Поди-жъ!...
Охъ, ужъ мнѣ сосѣдка!
Ну, да погоди-жъ.....

У сосѣдки былъ, не скрою;
 Что скрывать ужъ? Ну сижу,
 Пламенѣю, таю, ною,
 Замираю и дрожу.

А она, злодѣйка, словно
 И не видитъ трепеть мой;
 Шутить, спорить хладнокровно
 И смѣется надо мной.

У! безчувственная!—Право
 Если сердце то у ней?
 И глядитъ вѣдь какъ лукаво!...
 Просто мочи нѣтъ моей.

Мужъ проклятый вылѣзъ тоже,
 Точно нужно тутъ его;
 Ненавижу этой рожи;
 Но крѣплюся—ничего.

Вдругъ къ намъ зало порхъ дѣвица;
 Такъ во мнѣ и замеръ духъ!
 Это, видите-ль, сестрица
 Къ ней пожаловала вдругъ.

Словно пташечка влетѣла,
Глазки книзу, и сейчасъ
Реверансикъ, и присѣла,
Зарумянясь, противъ насъ

Ну-съ присѣла... заглядѣнье!....
И не видывалъ такой!....
Вотъ, ей Богу положенье!
Мало муки мнѣ съ одной?...

3.

Что влюбленъ я—это вѣрно;
Тутъ ужъ нечего таить;
Но въ которую примѣрно?—
Какъ бы это разъяснить?

Обѣ прелесть... та—царица,
Та, сосѣдка то... ей, ей.
А красоточка,—сестрица.—
Просто въ юпочкѣ злодѣй!

Вотъ попался, такъ попался!
Ну хоть просто проподай!
Вдругъ на двухъ такихъ нарвался—
И изволь тутъ, выбирай!...

Выбирать... Да какъ? скажите?
Какъ тутъ выбрать?—не могу;
Невозможно, какъ хотите.
Ну ей Богу я не лгу

Что же, что-жъ мнѣ дѣлать съ ними?
Ну люблю я ихъ равно!...
Вѣдь вольно жъ имъ быть такими,
Что и выбрать мудрено.

О, сестрицы! О, мученье!
О, несчастнѣйшій корнетъ!
Нѣтъ и нѣтъ тебѣ спасенья;
Пропадай во цвѣтѣ лѣтъ!

4.

Нѣтъ, скажите: отчего-же
Двухъ нельзя мнѣ обожать?...
Ну и имъ обѣимъ тоже
Мнѣ любовью отвѣчать,

И спокойно наслаждаться
Не ревнуя, безъ хлопотъ?....
Только нѣтъ, не согласится;
Я ужъ знаю напередъ

Нѣтъ, у женщинъ этихъ вѣчно
Алчность такая въ томъ,
Чтобъ мужчину всеконечно,
Взять себѣ имъ цѣликомъ

И ни съ кѣмъ имъ не дѣлиться.
Просто черствый эгоизмъ!.....

А пока не такъ на свѣтѣ,
Нужно бѣ, право, запрѣтить
Двумъ хорошенькимъ, какъ эти,
Подъ одною кровлей жить,

Чтобъ не смѣли человѣка
Этакъ мучить и терзать;
Такъ что самъ Мартинъ Задека
Тутъ не зналъ бы что начать.

Да, рѣшительно ей порою
 Сердце нѣжное—бѣда!
 Просто нѣтъ тебѣ покою:
 Въ передрагѣ завсегда!

Вотъ мое хоть: вѣчно жаждой
 Страсти огненной полно;
 Ну и мается за каждой,
 За хорошенькой оно.

Вотъ теперь хоть;—посудите,
 Ну за что же я терплю?..
 Виновать ли я, скажите,
 Что обѣихъ ихъ люблю?

Все бѣда что я, несчастный,
 Обожаю красоту,
 Что терять ровно ужасно
 Жаль мнѣ эту, жаль и ту.

Въ этой крайности печальной
 Ужъ не знаю какъ и быть?
 Только способъ радикальной
 Можетъ это разъяснить.

6.

Шла сосѣдка купаться съ сестренкой;
А и той ужъ семнадцатый годъ.
Забѣжалъ я на рѣчку сторонкой,
Да въ кусты и забрался впередъ.

Не съ ехидной какой нибудь цѣлью
Или умыселъ злостный тая,
Притаился въ кусты я подъ елью;
Нѣтъ, ей Богу ну; вѣрьте мнѣ, я

Лишь единственно съ цѣлью научной
На посажъ покусился такой;
Ну и случай то вышелъ сподручный,
Только кончился шуткой плохой!

Отдалися проказы мнѣ эти,
И въ другой разъ ей ей, не пойду!
Довелось извѣдать на свѣтѣ,
Какъ поджаривать будутъ въ аду.

На обычное мѣсто купанья
Вслѣдъ за мною явились онѣ.
Началось тотчасъ раздѣванье...
Каково-жъ было бѣдному мнѣ?

Постепенно одежды спадали,
Разрѣшались одна за другой;
Наконецъ.... и сосѣдки предстали,
Какъ двѣ Эвы въ раю, предо мной.

Что я видѣлъ,—сказать не беруся;
Но, хотъ было средь бѣлаго дня,
Отъ восторга и страсти, божуся,
Потемнѣло въ глазахъ у меня.

И напрасно сравненья, примѣра
Я-бъ искалъ для красавицъ моихъ;
Утверждаю одно,—что Венера
Показалась бы прачкой при нихъ!

Все въ одной было рай наслажденій:
Очертаній и формъ красота,
Граціозная смѣлость движеній
И развитія силъ полнота.

А другая—бутончикъ красивый,
Чуть развившійся въ форму цвѣтка,
Какъ ребенокъ еще шаловлива,
Но какъ дѣва стыдливо—робка.

Не шутя становилось мнѣ знойно,
Кровь кипѣла ключемъ; а онѣ,
Подозрѣнія чужды, спокойно,
Не стѣсняясь, шутили при мнѣ.

Въ восхищеніи жгуче-отрадномъ
Созерцалъ я красавицъ нагихъ;
Пожирали глаза мои жадно
Обнаженные прелести ихъ.

Удивляюсь я, какъ мои взгляды
Не прожгли ихъ, хотя въ-далекѣ?....
Обнимая другъ дружку, наяды
Побѣждали, рѣзвяся, къ рѣкѣ.

Мнѣ казалось, что самыя волны
Засверкали, коснувшись ихъ,
И, кипучею страстію полны,
Охватили красавицъ моихъ,

И стремились одна предъ другою
Поскорѣ къ ихъ тѣлу прильнуть,
Но изъ влажныхъ объятій порою
Вырывались то плечи, то грудь.

И шалуныи, рѣзвясь беззаботно,
Другъ на дружку плескали водой.
Я полжизни бы отдалъ охотно,
Чтобы сдѣлаться струйкой рѣчной,

Чтобы въ игры ихъ смѣло вмѣшаться,
На себѣ ихъ носить и качать,
Къ ихъ роскошному тѣлу касаться,
Ихъ чудесныя формы ласкать

Подавляемый этимъ желаньемъ,
Чтобъ бѣды не надѣлать какой,
Не дождавшись конца ихъ купанья,
Какъ шальной, убѣжалъ я домой.

Цѣлый день былъ потомъ я разстроенъ,
Цѣлый день я горѣлъ какъ въ огнѣ...
Видно такъ человѣкъ ужъ устроенъ!—
Все сосѣдки мерещились мнѣ.

А когда всѣ собрались на ужинъ,
Поразилъ ихъ измятый мой видъ.
Былъ я, точно, порядкомъ сконфуженъ;—
Знать, на ворѣ и шапка горитъ!

И съ участием лукавымъ сестрицы
О здоровьѣ пытали моемъ,
Предлагали поставить горчицы,
Полечиться горячимъ питьемъ....

Ахъ, когда-бъ онѣ знали, злодѣйки;
Что виною болѣзни моей?...
И что сами онѣ, лиходѣйки,—
И причина и средство отъ ней.

Мнѣ сказала красотка-сосѣдка,
 Что де въ теплыя ночи она
 Любить долго гулять, и нерѣдко
 Чуть не до свѣта бродить одна.

«Садъ нашъ густъ и раскидистъ какъ роща;»
 Такъ проказница мнѣ говоритъ:
 «Мужъ заляжетъ, уходится теща,
 «Вся прислуга, какъ мертвая, спитъ.»

Замоталъ я на усь эти рѣчи
 И спросилъ, поглядѣвъ на заборъ:
 «А признайтесь, вѣдь струсили-бъ встрѣчи,
 «Разбудили бы крикомъ весь дворъ?»

Поглядѣла въ глаза мнѣ плутовка,—
 Покраснѣлъ я отъ взгляда, какъ ракъ;
 А она покачала головкой
 И сказала: «Какой вы чудакъ!

«Ну, кому къ намъ чужому забраться?
 «Мужъ вѣдь самъ запираетъ кругомъ;
 «Такъ чего же мнѣ дома бояться?...
 «Да и я не трусиха притомъ.»

Соблазнилъ меня милой сосѣдки
Про ночное гулянье разсказъ;
Такъ-что мнѣ самому напоследки
Захотѣлось попробовать разъ.—

И дождался я часа ночнаго,
Перелѣзъ потихоньку заборъ..
Тутъ мнѣ, кажется, нѣтъ вѣдь дурнаго;
А дрожалъ я, признаться, какъ воръ.

Думаль: ну, какъ нарѣжусь на тещу,
Иль на мужа наткнуся,—тогда
Зададутъ мнѣ такую тутъ рощу,
И сосѣдкѣ-то будетъ бѣда!

Но, собравшись съ духомъ немножко,
Я пустился украдкой впередъ;
Вотъ, гляжу замелькалъ на дорожкѣ
Распашной ея бѣлый капоть.

За сосѣдкой шмыгнулъ я проворно
И явился предъ ней въ двухъ шагахъ.
Испугалась она непритворно,
Раздалось негромкое: «ахъ!»

Но потомъ, какъ узнала, сердиться,
Не шутя, на меня начала.
«Какъ могли вы на это рѣшиться?
«Развѣ поводъ я вамъ подала?

«Такъ вы платите мужу за ласки?»
«Ну, что если сюда онъ придетъ?...»
Говорить...а злодѣйскіе глазки!....
А предательскій этотъ капоть!...

Какъ на зло, никогда не казалась
Мнѣ такою милашкой она:
Щечки рдѣли, высоко вздымалась
Подъ капотикомъ груди волна.

Все въ ней чудною нѣгой дышало,
Все манило, звало на любовь...
Растерялся я, правда, сначала
И покаяться былъ ужъ готовъ;

Собирался сказать ужъ: «Простите!»
Но какъ глянулъ на всѣ чудеса...
До раскаянья-ль тутъ, посудите?—
Разбѣжались, просто, глаза.

И любуясь въ нѣмомъ восхищеньи,
Какъ болванъ, я стоялъ передъ ней...
Догадалась она и въ смущеньи
Мнѣ сказала: «Уйдите скорѣй!

«Что-жъ вы стали на самой дорожкѣ?
«Тутъ, вы видите, ясно какъ въ день;
«Здѣсь васъ могутъ увидѣть въ окошки,
«Уходите скорѣе хоть....въ тѣнь.»

И свернула въ густую алейку,—
Я за нею туда-жъ поспѣшилъ.
Тамъ мы сѣли рядкомъ на скамейку;
Не припомню я, что говорилъ;

Только знаю, сосѣдка простила
И когда надо было уйти,
Съ поцѣлуемъ меня отпустила
И опять наказала придти....

ДУЭЛИСТУ.

Скотининъ душенька, не рвись ты на дуэль,
Изъ страсти бѣшеной прославиться героемъ:
Убьешь тебѣ—бѣда: звать стануть скотобоемъ;
А не убить нельзя—осель большая цѣль.

Н. Ф....У.

—

Я немолодъ ужъ, друзья;
Тише льется кровь моя;
Но люблю еще сердечно
Шумъ вакхическихъ бесѣдъ;
И веселости беспечной
Не убило бремя лѣтъ.
Тихомолкомъ отъ жены
Я не прочь отъ старины....

Охъ, жена,

Охъ, жена!

Ужъ далась мнѣ знать она!

—

Я теперь уже иной;
Кой-гдѣ волосъ есть сѣдой;
Но когда то запѣвало
На пирахъ я также былъ,
И, какъ вы, друзья, бывало,
Полной чашей радость пилъ.
Но теперь не до вина,
Когда подъ-бокомъ жена...,

Охъ, жена,

Охъ, жена!

За грѣхи мнѣ, знать, дана!

—

Лишь съ разсвѣтомъ оставлялъ
Я пустой уже бокаль.
На любовь мѣняя кубокъ,
Подъ огнемъ прекрасныхъ глазъ,
Я съ прелестныхъ алыхъ губокъ
Поцѣлуй срывалъ не разъ.
А теперь, увы! одну
Я цѣлую лишь жену...

Охъ, жена,
Охъ, жена!
Наказанье мнѣ она!

—
Послѣ чаши круговой,
Отягченной головой
Я склонялся къ дѣвѣ страстной
И забывъ про свой бокаль,
На груди ея атласной
Беззаботно засыпалъ
Не вернуть того назадъ:
Други, други! я женатъ....

Охъ, жена,
Охъ, жена!
Смерть красивѣй, чѣмъ она!

—
Юность быстрая прошла,
И съ собою унесла
Честныхъ прадѣдовъ наслѣдство.
Чтобъ поправиться опять,
Мнѣ одно осталось средство:
За себя старуху взять, —

И по волѣ сатаны,
Я съ тѣхъ поръ въ когтяхъ жены
Охъ, жена,
Охъ, жена!
Наказанье мнѣ она!

—
За грѣхи веселыхъ дней
Пылкой юности моей
Дорого плачу я, други!
И напрасно годы жду,
Чтобы духъ моей супруги
Успокоился въ аду;
Но на зло живетъ она, —
И въ меня же влюблена!
Охъ, жена,
Охъ, жена!
Ужъ далась мнѣ знать она!

РОМАНИЧЕСКОЙ СТАРУШКЪ.

Хоть цѣнять древности тѣмъ болѣе, чѣмъ старѣй;
Но я-то, видите, совсѣмъ не антикварій,
И тлѣнія ни въ чемъ, простите, не терплю:
Люблю я жизнь и цвѣтъ, я молодость люблю,
И больше по-сердцу мнѣ свѣженькая пашня,
Чѣмъ феодальная разрушенная башня.

К. А. К.....вой.

Въ альбомъ.

Люблю я женщину, съ достоинствомъ, съ душою,
Прощу, когда она довѣрчива, слаба,
Пусть даже вѣтрена, кокетка пусть порою,
Лишь сердца бѣ своего была она раба.
Но вы не таковы: прекрасны вы для глазъ;
Но чувство не найдетъ въ васъ отзыва роднаго,
Вы холодны душой; а вмѣсто сердца въ васъ —
Курсъ арифметики Щеглова.

* * *

Ахъ, какъ скучно быть дѣвицей!
Мы томимся, мы молчимъ;
Но не вѣрьте небылицѣ,
Будто за-мужъ не хотимъ.
Намъ скрывать про то велятъ.
Но безъ мужа просто мать.

Ахъ, папаши!

Ахъ, мамыши!

Не томите дочекъ вашихъ—
За-мужъ, за-мужъ поскорѣй
Выдавайте дочерей!

—

Загляните намъ въ сердечко,
Нехитро въ немъ разгадать:
Какъ намъ хочется—колечко
Поскорѣй свое отдать;
Хотя намъ и внушено,
Что завѣтное оно.

Ахъ, папаши!

Ахъ, мамыши!

Не томите дочекъ вашихъ—
За-мужъ, за-мужъ поскорѣй
Выдавайте дочерей!

—

Всѣ одно вы затвердили,
Что мы молоды еще;

Видно маменьки забыли
Какъ имъ было горячо
Въ наши годы, какъ въ корсетъ
Била грудь въ семнадцать лѣтъ.

Ахъ, папаши!

Ахъ, мамыши!

Не томите дочекъ вашихъ—
За-мужъ, за-мужъ поскорѣй
Выдавайте дочерей!

Да, въ семнадцать лѣтъ подушка
Въ одиночку холодна,
А въ мечтахъ проказить душка—
Врагъ дѣвическаго сна;
Хитрой сказкой про любовь
Жжетъ, волнуетъ нашу кровь.

Ахъ, папаши!

Ахъ, мамыши!

Не томите дочекъ вашихъ—
За мужъ, за-мужъ поскорѣй
Выдавайте дочерей!

Вы о насъ не безпокойтесь:
Мы вѣдь знаемъ что и какъ,
Обойдется все, не бойтесь,—
Труденъ только первый шагъ.
Ну а послѣ, а потомъ...
Вслѣдъ мамашамъ мы пойдёмъ...

Ахъ, папаши!

Ахъ, мамыши!

Не томите дочекъ вашихъ—
За-мужъ, за-мужъ поскорѣй
Выдавайте дочерей!

Мужа хвата, молодаго
Будемъ крѣпко обожать;
А сѣдаго....ну, такого
Намъ помогутъ уважать.
Чтобъ ихъ счастье довершить,
Станемъ за носъ ихъ водить.

Ахъ, папаши!

Ахъ, мамыши!

Не томите дочекъ вашихъ—
За-мужъ, за-мужъ поскорѣй
Выдавайте дочерей!

Что за радость быть дѣвицей!
Что бѣдняжка?—нижній чинъ!
Это нуль безъ единицы:
Но приставьте къ ней одинъ—
И увидите: разъ сѣла
Выйдетъ десять изъ нуля.

Ахъ, папаши!

Ахъ, мамыши!

Не томите дочекъ вашихъ—
За-мужъ, за-мужъ поскорѣй
Выдавайте дочерей!

ИЗЪ БЫЛАГО.

I.

Она была тогда уже невѣста,
А мнѣ шестнадцать лѣтъ.
Хоть для любви, казалось бы, не мѣсто
Подъ курткой кадетъ,
Хоть надо мной смѣялися иные,—
Но я ее любилъ;
Любилъ ее, какъ любимъ мы впервые:
Всей мощью юныхъ силъ.
Въ моей душѣ кипѣла страсть мятежно,
Но я ее скрывалъ.
Такой любви почтительной и нѣжной
Съ тѣхъ поръ я не знавалъ.
Нѣтъ, никогда, въ какомъ-то обаяньи,
И чистомъ и святомъ,
Я женщину подобнымъ обожаньемъ
Не окружалъ потомъ.
Ея руки коснуться, мнѣ казалось
Блаженствомъ и грѣхомъ.
Ужъ какъ она про это догадалась,—
Не вѣдаю о томъ.
И страсть моя, узналъ я послѣ, точно
Казалась ей смѣшна;
Но раздуть во мнѣ ее нарочно
Старалась она.
Какъ мышью котъ, недобрая, играла
Она моей душой;

То упоеніемъ и нѣгой обдавала,
То ревности тоской.
Подъ-часъ со мной надъ женихомъ трунила,
Льстя чувству моему,
То вдругъ меня безжалостно дразнила,
Ласкаясь къ нему.
И тѣшилась, какъ мальчикъ задыхался,
Какъ онъ, скрывая стыдъ,
Спѣшилъ уйти, куда нибудь скрывался
И плакалъ тамъ навзрыдъ.
И вотъ судьба свела насъ въ жизни снова,
Черезъ долгихъ восемь лѣтъ.
Но восемь лѣтъ легли межъ насъ былого,
Мужчиной сталъ кадетъ.
Спокойно я теперь сошелся съ нею;
Какъ прежде хороша!
Попрежнему люблюся я ею;
Но помнить зло душа.
Теперь она такъ ласкова со мною;
А я теперь шучу,
Она поднять хотѣла бы бывшее:
Да я ужь не хочу.

II.

Я помню встрѣчу съ ней; тогда,
Попавъ въ деревню къ нимъ случайно,
Я въ новомъ мѣстѣ, какъ всегда,
Скучалъ и злился чрезвычайно.

Оно нелѣпо можетъ, но
Болѣзнью вѣка былъ я боленъ:
Разладомъ съ жизнью, — и давно
Собой и всѣми недоволенъ,

Такъ мудрено ль, что я хандрилъ,
И въ этомъ дикомъ состояньи
Я на нее не обратилъ
Сперва совсѣмъ почти вниманья.

Мнѣ показалась она —
Досадно вспомнить — деревенской,
Уѣздной барышней, сполна
Воспитанной по школѣ женской,

Введенной въ русской сторонѣ
Едва-ль не вмѣстѣ со шнуровкой;

Она казалась просто мнѣ
Татьяны копіей неловкой.

И только голосъ у нее,
Какой то мягкій, мелодичный,
Сбивалъ сужденіе мое
Своей гармоньей симпатичной.

Тогда не вѣрилъ я въ дѣвицъ,
Затѣмъ, что прежде вѣрилъ много;
И томность взгляда, блѣдность лицъ
Я осуждалъ въ нихъ крайне строго.

Дѣла давно минувшихъ лѣтъ;
Теперь смѣшно конечно это;
Но кто жъ хоть разъ на жизнь и свѣтъ
Не возмущался въ эти лѣта?—

Томимый демономъ моимъ,
Скучалъ и дулся я жестоко;
Съ какимъ то бариномъ сухимъ
Она стояла недалеко,

У нихъ шёлъ жаркій разговоръ,
Не помню, что они радили;
Но разрѣшить межъ ними споръ
Избрать посредника рѣшили.

Она спросила у меня;
Я что то рѣзкое замѣтилъ

И оба мнѣнья обвиня,
И зло и желчно имъ отвѣтилъ.

Она взглянула, помню, да;
Но такъ тепло, такъ мягко, нѣжно,
Такого взгляда никогда
Я не встрѣчалъ. Въ душѣ мятежной

Легъ угрызеньемъ этотъ взглядъ;—
Въ немъ былъ упрекъ и состраданье—
Такъ съ неба ангелы глядятъ
На наши грѣшныя терзанья.

III.

Разъ вечеромъ лѣтнимъ, вотъ здѣсь на балконѣ—
Такъ помнится живо—стояли мы съ ней;
Она прислонилась въ раздумьѣ къ колоннѣ,
Рука ея тихо лежала въ моей.

Мы оба молчали; въ любви упоеньи
Есть сладкая сердцу, какъ нѣга, печаль;
Душѣ будто тѣсно въ земномъ заточеньи
И рвется куда-то, счастливица, въ даль.

А вечеръ былъ чуденъ: на свѣтло-лиловомъ
Чуть облачномъ небѣ катилась луна,
И въ тучкахъ играла то ярко-пунцовымъ,
То розово-блѣднымъ отливомъ она;

Внизу, подъ балкономъ, шептался ревниво,
О чемъ то не знаю, старинный ихъ садъ
И клумбы сливались въ узоръ прихотливо,
Съ сиреней цвѣтущихъ лился ароматъ.

А ночь пробиралась, скользя невидимкой,
И мирно ложилась на садъ и на домъ,
И сумерекъ лѣтнихъ прозрачною дымкой
Тихонько покрыла предметы кругомъ.

Вотъ звѣздочка въ небѣ зажглася высоко,
Густыя аллеи вдругъ стали темнѣй—
Въ нихъ чудилось что-то—и гдѣ-то далеко
Оканчивалъ пѣсню свою соловей....

ЗАРОКЪ.

На краю села избушка;
Внучка съ бабушкой живетъ.
Нелюдимая старушка,
Крѣпко внучку бережетъ.

Безъ себя ее, сѣдая,
Не пускаетъ ни ногой,
Распрезлющая такая,
Ненавидить родъ мужской.

Богъ-вѣсть, что тутъ за причина,
Такъ-ли, сдуру аль въ сердцахъ,
Только всякій ей мужчина
Заклятой казался врагъ.

Вотъ и внучкѣ-то, бывало,
Ужъ какихъ она страстей
Про мужчинъ не толковала,
Не насказывала ей:

«Бойся, Надя», говорила,
«Съ ними знаться грѣхъ и стыдъ,
«Съ ними вражеская сила,—
«Въ каждомъ парнѣ чортъ сидитъ;

«Лиходѣи вся ихъ братья,
«Только горе съ ними жить...»
И давала та заклатье,
За-мужъ вѣкъ не выходить.

И росла себѣ Надѣжа
Въ страхѣ чорта и мужчинъ;
Для старухи было тоже,
Что мужикъ, что господинъ:

«Всѣ не стоятъ и полушки!»
Заклчить бывало рѣчь.
Правду молвить, что старушкѣ
Было точно, что беречь:

Супротивъ ея Надѣжи
Дѣвки не было милѣй;
Все, что было молодежи,
Повздурилоя по ней,

И облизывалось, глядя
На нее издалека,
Потому-что рядомъ съ Надей
Шла старухина клюка.

Долго бабушкѣ суровой,
Что въ мужчинахъ нѣтъ добра,
Внучка вѣрила на слово;
Но всему своя пора:

Годъ за годомъ, миновали
Надѣ всѣ семнадцать лѣтъ,
А поры той, чай слыхали,
Безпокойнѣй въ жизни нѣтъ.

Что-то стало съ ней твориться
Непонятное самой:
То ей хочется рѣзвиться,
То сожметъ ее тоской;

Ночью жжетъ ее подушка,
То ей жарко, то знобитъ;
Куритъ ладонь старушка,
Богоявленской кропитъ...

Но увы, не помогаютъ
Надѣ ладонь и вода;
Думы странныя слетаютъ
Къ ней въ головку иногда.

Все о бабушкѣ, конечно,
Все доходить до причинъ—
Почему бы ей, сердечной,
Ненавидѣть такъ мужчинъ?

«Какъ-же теткѣ Пелагеѣ
Дочку замужъ выдавать,
Если всѣ они злодѣи?..
Какъ тутъ бабушку понять?

Не ошиблась-ли старушка,
Доживаячи свой вѣкъ?..
Вотъ хоть старостинъ Петрушка, —
Вѣрно добрый человѣкъ?.. ..»

Да и какъ могло бы стать,
Чтобы былъ онъ нехорошъ?..
Надя рада въ томъ ручаться:
Петя молодъ и пригожъ,

Петя ищетъ съ нею встрѣчи,
Гдѣ старухи не видать,
Говоритъ такія рѣчи,
Что нѣтъ мочи убѣжать.

Какъ-то дома разъ старуха
Съ Надей кружево плела,
Вдругъ къ нимъ въ двери шастъ Петруха;
Надя такъ и обмерла.

По привычкѣ ужъ, сѣдая
Ухватила за костыль,
Да припомнила, лихая,
Что Петрушка не бобыль.

Ну, а тотъ, не молвя слова,
Старой въ ноги прямо брякъ.
Говорить: «Не будь сурова,
«Сжался тетка, такъ и такъ;

«Самъ пришелъ къ тебѣ я сватомъ,
«Жить безъ Нади не могу;
«Бей, пожалуй хоть ухватомъ,
«Вотъ тѣ Пятница, не лгу...»

Покривилась старушонка:

«Много чести, молодецъ,
«Да она еще дѣвчонка,
«Гдѣ ей замужъ, мой отецъ?»

«А къ тому-жъ и непригоже.
«Есть заклятіе на ней;
«Такъ, аль нѣтъ оно, Надежа?»
Говорить старуха ей,

Словно коршунъ въ очи глядя:

«Не пойдешь ни закого?..
— Не пойду, шепнула Надя,
Только... выдай за него...

Г О Р Е.

Охъ, житье-ли ты, житье,
Горе-горькое мое!
Охъ, житье-ль мое—бѣда:
Мужъ старикъ, я молода.
Съ нимъ и молодость не въ прокъ,
Съ нимъ не радостенъ денекъ,
Съ нимъ и ноченька длинна
И постелька холодна.
Для него нужна полатъ—
Мнѣ-бъ хотѣлось погулять,
Погулять-бы съ молодымъ,
Не со старымъ, да съдымъ.
Ка-бъ не скупость-то его,
Старость все-бы ничего;
Мнѣ-бъ и скупость ни-почемъ,
Да сварливъ еще притомъ;
Ну, пускай-бы и сварливъ;
Ка-бы не былъ онъ ревнивъ;
Пусть ревнуеть, да бѣда,—
Не пускаетъ никуда;
Пусть и такъ, да лихъ, и къ намъ
Заперъ двери молодцамъ;

Ничего-бы и запоръ—
Не высокъ у насъ заборъ,—
Такъ спускаетъ не къ порѣ
Пса лихаго на дворѣ;
Мнѣ-бъ и это все-ровно—
Есть дорожка и въ окно,—
Такъ на горе на мое
Стариковское чутье:
На бѣду-ли бѣдной мнѣ
Все онъ слышитъ и во снѣ.
Какъ за кладомъ скряга-жидъ,
Онъ за мною сторожить:
Чуть я съ мѣста тронусь днемъ—
Старый тащится хвостомъ;
А настанетъ темна ночь,
Отъ себя не пустить прочь
И какъ на смѣхъ, старый хрычъ,
Видитъ ночью словно сычъ.
Охъ, житье-ли ты, житье,
Горе-горькое мое;
Охъ, житье-ль мое—бѣда:
Мужъ старикъ, я молода!

ВОСПОМИНАНІЯ.

Помнишь, другъ мой, какъ, бывало,
Уложивши мужа спать,
Ты украдкою сбѣгала
Внизъ ко мнѣ... потолковать?
Помнишь.. въ блузѣ легкой, бѣлой,
Словно призракъ неземной,
Въ темный садъ, дрожа всѣмъ тѣломъ,
Уходила ты со мной?
Помнишь, другъ мой, эти встрѣчи,
Встрѣчи нѣги и любви?
Помнишь пламенные рѣчи
И томленія мои?...
Помнишь, какъ во мракѣ ночи,
Упоенный, я лобзалъ
Шелкъ кудрей и небо-очи,
И мятежный груди валъ;
Какъ, стыдливая, сначала,
Тихимъ ропотомъ своимъ
Ты противилась, бывало,
Ласкамъ бѣшеннымъ моимъ;
Какъ потомъ, въ моихъ объятыхъ,—
Что за роскошь, что за пиръ!—

Забывала строгость братьевъ,
Ревность мужа, цѣлый міръ?...
Время мчалось, улетало,—
Мы не думали о немъ,—
И не рѣдко заставляла
Насъ заря еще вдвоемъ!
Помнишь, днемъ, потомъ, при мужѣ,
Мы казались межъ собой
Холоднѣе зимней стужи,
Даже ссорились порой;
И со смѣху помирая,
Твой довѣрчивый старикъ
Насъ мирилъ, передвигая
Съ уха на ухо парикъ?
Ты была тогда прекрасна,
Мужъ твой старъ и сѣдъ, и хилъ;
Я былъ—юный, пылкій, страстный,—
Полонъ жизни, полонъ силъ...
Время все перемѣнило,—
Нѣтъ пощады ничему!—
Гдѣ старикъ твой?—Онъ въ могилу
Слегъ давно ужъ. Миръ ему!
Да и мы неавантажны:
Ты старуха, я старикъ;
Стала барыней ты важной;
А на мнѣ уже парикъ.
Ты кричишь о порчѣ нравовъ,
Décolté дѣвицъ и дамъ,
Танцы, игры и забавы
Называетъ грѣхъ и срамъ.

Я—браню и порицаю
Непощадно молодежь,
И прискорбно восклицаю:
Свѣтъ ни-на-что непохожъ!
Оба судимъ всѣхъ сурово,
Вопіемъ о суетѣ—
И повѣрилъ свѣтъ на слово
Нашихъ нравовъ чистотѣ!
Оглушаемый моралью,
Онъ закрылъ на то глаза,
Что я стягиваю талью,
А ты красишь волоса.
Въ нашихъ вопляхъ на растлѣнны
Не разслышитъ онъ, простакъ,
Вопль безплодный сожалѣнья,
Что не можемъ жить ужъ такъ;
Что за тѣмъ мы судимъ строго,
Что ни въ комъ изъ молодыхъ
Нѣтъ охоты, хоть немного.
Порастлить и насъ самихъ;
Что должны мы въ горѣ нашемъ
Утѣшать себя порой:
Я—модисткою Наташей,
Ты—буфетчикомъ Ѳомой..

Л Ъ Ш І Й.

Про нечистыхъ идутъ рѣчи
Подъ жужжанье веретенъ,
Дѣдка слушаетъ ихъ съ печи
И ворчитъ сквозь зубы онъ:

«Вишь болтать то голосисты,
Что сороки; не уймешь.
Не ровенъ вѣдь и нечистый,
На какого нападешь».

—Есть, извѣстно, всяко званье:
Лѣсовикъ и водяной;
Вонъ который разъ къ Маланѣ
Ходить ночью домовой.—

«Эхъ, вы бабы, право слово;
Ты на это не смотри, —
Ты мнѣ что про домоваго?
Ты о лѣшемъ говори.

Злющей бѣса не бываетъ.
Слышь, и нечисть то его
Въ адъ къ себѣ не принимаетъ
Все отъ самаго того.

Вотъ затѣмъ то споконъ-вѣка
И шныряетъ онъ въ лѣсахъ,
Караулитъ человѣка
Да наводитъ всякій страхъ.

Дѣвку лѣтомъ, въ день то цѣлый
Взмучитъ такъ, что вонъ изъ силъ.
Ну, да вотъ какое дѣло
Разъ проклятый сочинилъ:

Былъ у насъ кузнецъ Вавила—
Пьяный, въ банѣ онъ сгорѣлъ;—
Ну, такая, братецъ, сила—
Съ трехъ полштофовъ не пьянѣлъ.

Просто не было другаго,
Супротивъ чтобы его;
Значитъ, кромѣ становаго,
Небоялся никого.

Сотскій, староста-ль, бывало,—
Все единственно ему;
Да куда тамъ сотскій—мало,
Даже чорту самому

Уваженья никакого;
Всѣхъ нечистыхъ ставилъ въ грошъ.
Какъ начнетъ честить—иного
Просто въ—чужѣ брала дрожь.

«Не пригоже, братъ Вавило,
Говорили старики,
Ужъ отплотить вражья сила,
Не сносить тебѣ башки.»

— «Наплевать мнѣ съ супостатомъ,»
Отмахнетъ Вавилка имъ.
Такъ не то что съ нашимъ братомъ,—
Вотъ что лѣшій сдѣлалъ съ нимъ:

Какъ то, лѣтнею порою,
Шелъ онъ къ ночи изъ села,
А дорога подъ горою
Черезъ лѣсъ въ ту пору шла.

И не то, чтобъ пьянъ;—ей Богу,
Самъ потомъ мнѣ говорилъ,
Что всего то на дорогу
Только горло промочилъ.

Вотъ идетъ онъ. Путь бывалый,
Лѣсъ давно, кажись, знакомъ;
Только, кой чортъ, смотрѣть малый,
Какъ то иначе кругомъ:

Въ тропку съезжилась дорога,
Межъ кустами завилась,
Вотъ спустилась въ доль немного
И въ болото уперлась.

«Что за дьяволъ?.... самъ съ собою,
Значить, думаетъ кузнецъ,
Аль ужъ лѣшій надо-мною
Потѣшается, подлецъ?

Быть дорогѣ надо вправо,
А не тутъ, разбойникъ, врешь,
Вишь куда завелъ лукавый!
Ну, да насъ не оплетишь.

И свернулъ. А лѣсъ все гуще,
Чуть виднѣютъ небеса,
Изъ за пня, тамъ въ самой пущѣ,
Чьи то свѣтятся глаза.

То раздастся хохотъ зычный,
То ауканье потомъ;
Но мужикъ своеобычный
Преть и валить на проломъ.

Только пуще все серчаетъ
Да на лѣшаго оретъ;
Такъ бѣднягу обзываетъ,
Ажно вѣдъму страсть беретъ.

Ну и лѣшему обидно,
Значить, стало наконецъ.
«Ладно жъ, думаетъ эхидно,
Разшельмовскій ты кузнецъ.»

И подручныхъ, что ихъ было,
Всѣхъ спустилъ на мужика.
Расходилась вражья сила:
Тотъ пихаетъ подъ бока,

Тотъ въ кафтанъ ему вцѣпился,
Этотъ подъ ноги пинькомъ...
Всякъ другой бы усмирился,
А Вавилѣ ни-по-чемъ.

Видить нечисть: нѣтъ въ немъ страха,
Сбила шапку, слышь, съ него;
Онъ за ней, а та съ размаха,
Прямо по уху его!...

Разъярился тутъ Вавила.
Смотрить: лѣшій то старшій,
Изъ за пня, просунувъ рыло,
Просто дразнится рукой.

Онъ къ нему, мужикъ плечистый,
Какъ махнетъ, что было рукъ!
Что жъ ты бѣ думала, нечистый?...
Изъ руки то сдѣлалъ сукъ!

На него то, середь ночи,
Мой мужикъ и налетѣлъ,
Прямо глазомъ, что есть мочи,
Да съ тѣхъ поръ и окривѣлъ.

Поутру его ребята
Отыскали подь сосной;
Вотъ какъ лѣшій то проклятый
Значить пакостить порой.

* * *

Положимъ, лѣнивъ я почти какъ Обломовъ;
Но, право, не лѣнь тутъ, ей-ей, не она.
Нѣтъ, съ дѣтства боюсь я чертей и альбомовъ—
Покойницы няни ужъ въ этомъ вина.

Она мнѣ бывало, старушка, внушаетъ:
«Будь пайнька мальчикъ, любить не спѣши,
Бѣги отъ соблазновъ—ихъ чортъ посылаетъ—
А пуще въ альбомахъ, смотри, не пиши.

«Охъ, бойся, дружокъ ихъ», твердила старушка,
«Хорошенькихъ женщинъ альбомы бѣда;
«Въ нихъ вашему брату капканъ и ловушка,
«Напишешь, чего-бъ не сказалъ никогда.

«Предатель, во всемъ онъ заставить признаться,
«Безжалостно выдастъ всѣ тайны души ..»
И права старушка, ну что тутъ скрывать?
И я написалъ-бы, что вы хороши,

И мнѣ бъ повиниться пришлось неумѣстно,
Что милы вы очень, умны и добры;
А это самимъ вамъ давно ужъ извѣстно.
И были-бъ слова тѣ ужасно стары.

При томъ-же въ альбомахъ, ужъ какъ тамъ
хотите,
А надо быть острымъ, умѣть увлекать.
Мое-ль это дѣло? Ну, сами скажите?
Нѣтъ, право, боюсь я въ альбомъ вашъ писать.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

	Стр.
Слово.	1.
Повѣсть про купецкаго сына Акима Скворцова и про боярскую дочку	6.
Крушеніе. (<i>Отрывокъ</i>)	31.
Дума (<i>Съ малороссійскаго</i>)	35.
Лермантову.	37.
Ему-же	39.
Кудесникъ	40.
Желаніе	44.
Степь	45.
Кавказъ	46.
Вѣтеръ	47.
Русская пѣсня.	49.
* * (<i>Не дубокъ молодой</i>)	50.
* * (<i>Средь общества, гдѣ все поддѣлка и искусство</i>)	51.
Пастухи	51.
Утопленникъ.	54.
* * (<i>Когда окончится тяжелый день труда</i>)	60.
Природа	61.
Родина	64.
Потокъ	66.
* * (<i>Не пытай у волны</i>)	70.
Русалка	71.
* * (<i>Отъ юности какой-то мрачный гений</i>)	73.
Дума	74.
Жизнь	77.
Самоубійца	82.
* * (<i>Все напрасно: плачь, моленья</i>)	85.
* * (<i>Онъ умеръ</i>)	86.
У гроба	87.
* * (<i>Ночь на исходъ</i>)	89.
На погостъ	92.

Смѣшная фигура.	96.
* * (<i>Комнатка въ свѣтлѣхъ</i>).	99.
Нищій.	101.
Звуки.	105.
* * (<i>Не играй, не играй</i>)	108.
* * (<i>Не вспоминай о бурномъ прежде</i>)	109.
* * (<i>Она пѣла и чудные звуки</i>)	110.
Странникъ	111.
* * (<i>Тяжела дорога</i>).	115.
Раскольникъ	115.
* * (<i>Сердце безпокойное</i>)	123.
* * (<i>Не гляди такъ, дѣвица</i>)	125.
* * (<i>Горе ты, горе</i>)	126.
Пустая церковь	127.
Лѣтняя ночь	129.
Пророкъ	131.
Воспоминаніе	133.
* * (<i>Днѣпръ бушуетъ</i>)	134.
Ночной ѣздокъ. (<i>Подражаніе Зейдлицу</i>).	135.
Видѣніе	139.
Крестъ и скала	142.
На пароходѣ	146.
Памятникъ	147.
Скелету. (<i>Съ французскаго</i>)	152.
Надгробное слово (<i>Эконому 1 кадетск. корпуса, А. П. Боброву</i>).	153.
* * (<i>Вотъ въ обноски виц-мундира</i>)	155.
* * (<i>Врагъ неподвижности</i>)	160.
Книга.	161.
Старая тетрадь	164.
Поле	166.
Муза	168.
Молитва	170.
Прощаніе со славой. (<i>Вольный переводъ изъ Беранже</i>).	172.
Двоимъ	174.
На развалинахъ Севастополя (<i>Отрывокъ</i>)	177.
* * (<i>Русь проснися—время, время!</i>).	182.
* * (<i>Когда на Русь, враждой пылая</i>)	158.
Дума	188.

Весна.	190.
Въ дорогѣ	193.
Гроза.	195.
* * (И мы, на Сѣверѣ далеко)	197.
Ханжѣ.	199.
Веевода (Баллада)	201.
Русскія элегіи	
I	209.
II	212.
III	213.
IV	219.
V	222.
VI	225.
VII	230.
VIII	235.
IX	241.
X.	246.
Русскія оды	
I.	252.
II	259.
Недоимки (Сельская идиллія)	261.
Надгробное слово моей собакѣ.	268.
Было-бы болото, а черти найдутся	270.
* * (Христосъ, Христосъ воскресъ!)	272.
За городомъ	274.
* * (Опять обѣщанья) , ...	277.
* * (Когда взломавъ всеною ледъ)	278.
Лондонская выставка	279.
* * (Когда на улицѣ, мой мальчикъ, встрѣишь ты).	282.
Смѣна (драматическій очеркъ)	283.
Отрывокъ	293.

ЧАСТЬ II.

	Стр.
Отрывки изъ повѣсти.	1.
Сосѣдка или сердечныя тревоженія корнета	77.
Дуэлисту.	92.
** (Я немолодъ ужъ друзья).	93.
Романической старушкѣ	96.
** (Люблю я женщину. (Въ альбомѣ)).	96.
** Ахъ, какъ скучно быть двинцей.	97.
Изъ былаго	100.
Зарокъ	106.
Горе	111.
Воспоминанія.	113.
Лѣшій	116.
** (Положимъ лѣнивъ я)..	121.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ

1-й части:

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
24	6	гулянкѣ	гулянкѣ
48	28	размыкой	размыкай
62	2	горя у думъ	горя и думъ
66	15	сберегъ преданья	сберегъ онъ преданья
75	27	доровой	дорогой
76	1	Оста	Уста
85	5	въ жизни	къ жизни
86	14	на смерти	къ смерти
90	29	Спи, за тебя твой сонъ отецъ	Спи, за тебя твой отецъ
105	1	аккороды	аккорды
108	19	пронихъ	при нихъ
128	27	слезы	слезъ
132	17	Но это	Не это
154	21	Неписанныхъ—	Незримые—
158	6	Тамъ	Томъ
191	21	Слой	Свой
207	25	Побирники	Поборники
273	8	вамъ	намъ
279	2	оно пройдетъ	пройдетъ оно
280	3	росъ	расъ

2-й части:

30	11	глухо	глупо
39	27	Что силъ должно	Что силъ достало
58	23	Впередъ всякихъ	Впередъ отъ всякихъ
60	6	вымостить	вымѣстить
72	12	узъ руть	изъ рукъ

Всего книг в библиотеке 1000

1-я часть

Содержание	Листы	Содержание	Листы
Введение	1	Введение	1
Глава I	2	Глава I	2
Глава II	3	Глава II	3
Глава III	4	Глава III	4
Глава IV	5	Глава IV	5
Глава V	6	Глава V	6
Глава VI	7	Глава VI	7
Глава VII	8	Глава VII	8
Глава VIII	9	Глава VIII	9
Глава IX	10	Глава IX	10
Глава X	11	Глава X	11
Глава XI	12	Глава XI	12
Глава XII	13	Глава XII	13
Глава XIII	14	Глава XIII	14
Глава XIV	15	Глава XIV	15
Глава XV	16	Глава XV	16
Глава XVI	17	Глава XVI	17
Глава XVII	18	Глава XVII	18
Глава XVIII	19	Глава XVIII	19
Глава XIX	20	Глава XIX	20
Глава XX	21	Глава XX	21
Глава XXI	22	Глава XXI	22
Глава XXII	23	Глава XXII	23
Глава XXIII	24	Глава XXIII	24
Глава XXIV	25	Глава XXIV	25
Глава XXV	26	Глава XXV	26
Глава XXVI	27	Глава XXVI	27
Глава XXVII	28	Глава XXVII	28
Глава XXVIII	29	Глава XXVIII	29
Глава XXIX	30	Глава XXIX	30
Глава XXX	31	Глава XXX	31
Глава XXXI	32	Глава XXXI	32
Глава XXXII	33	Глава XXXII	33
Глава XXXIII	34	Глава XXXIII	34
Глава XXXIV	35	Глава XXXIV	35
Глава XXXV	36	Глава XXXV	36
Глава XXXVI	37	Глава XXXVI	37
Глава XXXVII	38	Глава XXXVII	38
Глава XXXVIII	39	Глава XXXVIII	39
Глава XXXIX	40	Глава XXXIX	40
Глава XL	41	Глава XL	41
Глава XLI	42	Глава XLI	42
Глава XLII	43	Глава XLII	43
Глава XLIII	44	Глава XLIII	44
Глава XLIV	45	Глава XLIV	45
Глава XLV	46	Глава XLV	46
Глава XLVI	47	Глава XLVI	47
Глава XLVII	48	Глава XLVII	48
Глава XLVIII	49	Глава XLVIII	49
Глава XLIX	50	Глава XLIX	50
Глава L	51	Глава L	51
Глава LI	52	Глава LI	52
Глава LII	53	Глава LII	53
Глава LIII	54	Глава LIII	54
Глава LIV	55	Глава LIV	55
Глава LV	56	Глава LV	56
Глава LVI	57	Глава LVI	57
Глава LVII	58	Глава LVII	58
Глава LVIII	59	Глава LVIII	59
Глава LIX	60	Глава LIX	60
Глава LX	61	Глава LX	61
Глава LXI	62	Глава LXI	62
Глава LXII	63	Глава LXII	63
Глава LXIII	64	Глава LXIII	64
Глава LXIV	65	Глава LXIV	65
Глава LXV	66	Глава LXV	66
Глава LXVI	67	Глава LXVI	67
Глава LXVII	68	Глава LXVII	68
Глава LXVIII	69	Глава LXVIII	69
Глава LXIX	70	Глава LXIX	70
Глава LXX	71	Глава LXX	71
Глава LXXI	72	Глава LXXI	72
Глава LXXII	73	Глава LXXII	73
Глава LXXIII	74	Глава LXXIII	74
Глава LXXIV	75	Глава LXXIV	75
Глава LXXV	76	Глава LXXV	76
Глава LXXVI	77	Глава LXXVI	77
Глава LXXVII	78	Глава LXXVII	78
Глава LXXVIII	79	Глава LXXVIII	79
Глава LXXIX	80	Глава LXXIX	80
Глава LXXX	81	Глава LXXX	81
Глава LXXXI	82	Глава LXXXI	82
Глава LXXXII	83	Глава LXXXII	83
Глава LXXXIII	84	Глава LXXXIII	84
Глава LXXXIV	85	Глава LXXXIV	85
Глава LXXXV	86	Глава LXXXV	86
Глава LXXXVI	87	Глава LXXXVI	87
Глава LXXXVII	88	Глава LXXXVII	88
Глава LXXXVIII	89	Глава LXXXVIII	89
Глава LXXXIX	90	Глава LXXXIX	90
Глава LXXXX	91	Глава LXXXX	91
Глава LXXXXI	92	Глава LXXXXI	92
Глава LXXXXII	93	Глава LXXXXII	93
Глава LXXXXIII	94	Глава LXXXXIII	94
Глава LXXXXIV	95	Глава LXXXXIV	95
Глава LXXXXV	96	Глава LXXXXV	96
Глава LXXXXVI	97	Глава LXXXXVI	97
Глава LXXXXVII	98	Глава LXXXXVII	98
Глава LXXXXVIII	99	Глава LXXXXVIII	99
Глава LXXXXIX	100	Глава LXXXXIX	100

2-я часть

Глава I	1	Глава I	1
Глава II	2	Глава II	2
Глава III	3	Глава III	3
Глава IV	4	Глава IV	4
Глава V	5	Глава V	5
Глава VI	6	Глава VI	6
Глава VII	7	Глава VII	7
Глава VIII	8	Глава VIII	8
Глава IX	9	Глава IX	9
Глава X	10	Глава X	10
Глава XI	11	Глава XI	11
Глава XII	12	Глава XII	12
Глава XIII	13	Глава XIII	13
Глава XIV	14	Глава XIV	14
Глава XV	15	Глава XV	15
Глава XVI	16	Глава XVI	16
Глава XVII	17	Глава XVII	17
Глава XVIII	18	Глава XVIII	18
Глава XIX	19	Глава XIX	19
Глава XX	20	Глава XX	20
Глава XXI	21	Глава XXI	21
Глава XXII	22	Глава XXII	22
Глава XXIII	23	Глава XXIII	23
Глава XXIV	24	Глава XXIV	24
Глава XXV	25	Глава XXV	25
Глава XXVI	26	Глава XXVI	26
Глава XXVII	27	Глава XXVII	27
Глава XXVIII	28	Глава XXVIII	28
Глава XXIX	29	Глава XXIX	29
Глава XXX	30	Глава XXX	30
Глава XXXI	31	Глава XXXI	31
Глава XXXII	32	Глава XXXII	32
Глава XXXIII	33	Глава XXXIII	33
Глава XXXIV	34	Глава XXXIV	34
Глава XXXV	35	Глава XXXV	35
Глава XXXVI	36	Глава XXXVI	36
Глава XXXVII	37	Глава XXXVII	37
Глава XXXVIII	38	Глава XXXVIII	38
Глава XXXIX	39	Глава XXXIX	39
Глава L	40	Глава L	40
Глава LI	41	Глава LI	41
Глава LII	42	Глава LII	42
Глава LIII	43	Глава LIII	43
Глава LIV	44	Глава LIV	44
Глава LV	45	Глава LV	45
Глава LVI	46	Глава LVI	46
Глава LVII	47	Глава LVII	47
Глава LVIII	48	Глава LVIII	48
Глава LIX	49	Глава LIX	49
Глава LX	50	Глава LX	50
Глава LXI	51	Глава LXI	51
Глава LXII	52	Глава LXII	52
Глава LXIII	53	Глава LXIII	53
Глава LXIV	54	Глава LXIV	54
Глава LXV	55	Глава LXV	55
Глава LXVI	56	Глава LXVI	56
Глава LXVII	57	Глава LXVII	57
Глава LXVIII	58	Глава LXVIII	58
Глава LXIX	59	Глава LXIX	59
Глава LXX	60	Глава LXX	60
Глава LXXI	61	Глава LXXI	61
Глава LXXII	62	Глава LXXII	62
Глава LXXIII	63	Глава LXXIII	63
Глава LXXIV	64	Глава LXXIV	64
Глава LXXV	65	Глава LXXV	65
Глава LXXVI	66	Глава LXXVI	66
Глава LXXVII	67	Глава LXXVII	67
Глава LXXVIII	68	Глава LXXVIII	68
Глава LXXIX	69	Глава LXXIX	69
Глава LXXX	70	Глава LXXX	70
Глава LXXXI	71	Глава LXXXI	71
Глава LXXXII	72	Глава LXXXII	72
Глава LXXXIII	73	Глава LXXXIII	73
Глава LXXXIV	74	Глава LXXXIV	74
Глава LXXXV	75	Глава LXXXV	75
Глава LXXXVI	76	Глава LXXXVI	76
Глава LXXXVII	77	Глава LXXXVII	77
Глава LXXXVIII	78	Глава LXXXVIII	78
Глава LXXXIX	79	Глава LXXXIX	79
Глава LXXXX	80	Глава LXXXX	80
Глава LXXXXI	81	Глава LXXXXI	81
Глава LXXXXII	82	Глава LXXXXII	82
Глава LXXXXIII	83	Глава LXXXXIII	83
Глава LXXXXIV	84	Глава LXXXXIV	84
Глава LXXXXV	85	Глава LXXXXV	85
Глава LXXXXVI	86	Глава LXXXXVI	86
Глава LXXXXVII	87	Глава LXXXXVII	87
Глава LXXXXVIII	88	Глава LXXXXVIII	88
Глава LXXXXIX	89	Глава LXXXXIX	89
Глава LXXXXX	90	Глава LXXXXX	90

Библиотека
Самарского
университета

Rozengejm, Michail Pavlovič

Stichotvorenija M. Rozengejma

Bd.: 2

Sanktpeterburg 1864

P.o.russ. 155 I-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610251-5